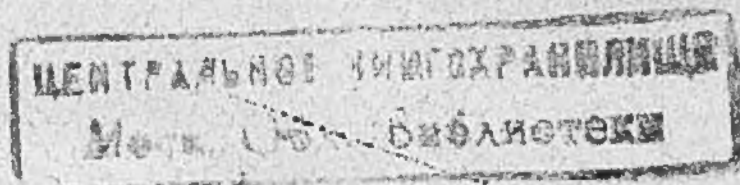
„УЧЕБНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА.

Обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца Кіевскаго, иже вся временнобытства не обинуяся показуетъ.... Оного великаго Селиверста Выдобыжскаго не украшая пишущаго — да аще хощеши — прочти прилежно.

(*Сказан. о нашеств. Едигея*).

Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., № 80.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го февраля 1891 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе такъ называемой „Лѣтописи Нестора“ даетъ основанія предполагать, что лѣтописное дѣло началось на Руси весьма рано и при томъ почти одновременно въ различныхъ пунктахъ: на югѣ (въ Кіевѣ), на сѣверѣ (въ Новгородѣ), на сѣверо-западѣ (въ Полоцкѣ) и на сѣверо-востокѣ (въ Ростовѣ). Къ сожалѣнію, отъ этихъ памятниковъ глубокой старины ничего не сохранилось въ подлинномъ видѣ.

Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ историческихъ трудовъ, который принято называть „Лѣтописью Нестора“ [1]), въ значительной части своего содержанія не соотвѣтствуетъ уже точному понятію о лѣтописи, потому что представляетъ не записки современника въ хронологическомъ порядкѣ событій, но историческій сводъ, составленный изъ многихъ источниковъ, принадлежащихъ разнымъ временамъ, лицамъ и мѣстностямъ.

Для правильнаго пониманія этого памятника важны слѣдующіе вопросы: 1) въ какомъ видѣ онъ дошелъ до нашего времени; 2) изъ какихъ источниковъ составленъ; 3) когда; 4) кѣмъ, и 5) на какомъ языкѣ.

---

[1]) Заглавіе подлинника („Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ“ и пр.) должно относиться не ко всему труду, а только къ начальной его части, которая первоначально составляла отдѣльную повѣсть и вѣроятно оканчивалась походомъ Аскольда и Дира.

1) „Лѣтопись Нестора“ не дошла до насъ въ отдѣльномъ видѣ, но составляетъ начало (до 1110 года) многихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны:

a) Лаврентьевскій (до 1110 года лѣт. Нестора, далѣе—до 1305 года—лѣт. Суздальская), переписанный монахомъ Лаврентіемъ въ 1377 году.

b) Ипатьевскій (до 1110 года лѣт. Нестора, далѣе—до 1200 года—лѣт. Кіевская, наконецъ—до 1292 года—лѣт. Галицко-Волынская) найденъ въ Ипатьевскомъ костромскомъ монастырѣ и относится къ концу XIV или къ началу XV вѣка.

c) Кенигсбергскій (или Радзивиловскій)—конца XV вѣка.

d) Хлѣбниковскій и Софійскій—второй половины XVI вѣка.

e) Воскресенскій и Никоновскій—XVII вѣка.

2) Въ составъ „Лѣтописи Нестора“ вошли: a) краткія лѣтописныя замѣтки, веденныя на Руси разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ; b) повѣсти, составленныя по преданію, по слухамъ или очевидцами событій, а также передѣланныя изъ поэтическихъ сказаній (таковы: первоначальная „повѣсть временныхъ лѣтъ“, повѣсти о походѣ Олега, о смерти Олега, о смерти Игоря и мщеніи Ольги, о крещеніи Ольги, о походахъ Святослава, о крещеніи Руси, объ убіеніи Бориса и Глѣба, печерскія сказанія, разсказы о волхвахъ, ослѣпленіе Василька); c) оффиціальные документы (договоры князей); d) нѣкоторыя свѣдѣнія изъ византійскихъ палей (т. е. ветхозавѣтной исторіи съ толкованіями) и хроникъ.

3) Окончательная редакція „Лѣтописи Нестора“ принадлежитъ несомнѣнно началу XII вѣка, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ дошедшіе до насъ лѣтописные своды, приблизительно сходные до 1110 года.

4) Относительно личности составителя существуетъ нѣсколько предположеній. Во всѣхъ спискахъ (кромѣ Лаврентьевскаго) онъ названъ черноризцемъ Печерскаго монастыря („Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Ѳедосьева монастыря

Печерскаго“); въ Хлѣбниковскомъ — „Несторомъ черноризцемъ“ [1]). Тоже мнѣніе сначала утвердилось и въ наукѣ (Шлёцеръ, Карамзинъ); но при дальнѣйшемъ изученіи „Лѣтописи“ возникли основательныя сомнѣнія относительно принадлежности ея одному лицу. Противъ исключительной роли Нестора говоритъ, между прочимъ, приписка, сдѣланная въ Лаврентьевскомъ сводѣ подъ 1110 годомъ: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книгы си, Лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624 (1116), индикта 9 лѣто“. Всего вѣроятнѣе предполагать, что первоначальная редакція „Лѣтописи“ принадлежитъ какому-нибудь иноку Печерскаго монастыря (даже, быть можетъ, Нестору), а болѣе поздняя—игумену Сильвестру [2]).

5) Будучи составлена изъ разнородныхъ источниковъ, „Лѣтопись Нестора“, весьма естественно, не можетъ отличаться единствомъ языка: въ однихъ мѣстахъ (преимущественно въ поученіяхъ) преобладаетъ языкъ книжный, церковно-славянской; въ другихъ—живая народная рѣчь.

Начало научному изученію „Несторовой Лѣтописи“ положено А. В. Шлёцеромъ (1802—1809). Русскій переводъ его труда, сдѣланный Языковымъ, выходилъ въ свѣтъ съ 1809 по 1819 годъ.

---

[1]) Вѣроятно, на основаніи кіевскаго патерика, гдѣ о Несторѣ сказано: „иже написахъ лѣтописецъ“.

[2]) Единственное біографическое свѣдѣніе о Несторѣ мы находимъ въ составленномъ имъ „Житіи Ѳеодосія: „таже вписахъ азъ грѣшный Несторъ, мьний вьсѣхъ въ монастыри блаженнаго и отца всѣхъ, Ѳеодисия. Приятъ же быхъ въ нь прдбнимь игоуменъмь Стефанъмь, и яко же отъ того остриженъ бывъ“. Въ виду противорѣчія съ этимъ извѣстіемъ, заключительныя слова повѣсти: „Что ради прозвася Печерьскый монастырь„ (см. 1051 г.) должны относиться къ какому нибудь другому лицу.

О Сильвестрѣ извѣстно, что въ 1118 годт онъ былъ переведенъ изъ Михайловскаго монастыря епископомъ въ Переяславль, гдѣ и умеръ въ 1123 году.

Изъ послѣдующихъ трудовъ наиболѣе замѣчательны:

1) Погодина: „Несторъ, историко-критическое изслѣдованіе о началѣ русскихъ лѣтописей“. 1839 г.

2) Срезневскаго: „Чтенія о древней русской лѣтописи“. (З. А. Н. т. III).

3) Костомарова: „Лекціи по русской исторіи“. Ч. I.

4) Бестужева-Рюмина: „Лѣтопись занятій археографической комиссіи“. 1869 г.

Примѣчаніе. Въ предлагаемой книгѣ заключаются выдержки изъ „Лѣтописи Нестора“ наиболѣе удобныя для классныго чтенія. Изданіе сдѣлано по Лаврентьевскому списку (Изд. Арх. ком. 1872 г.), съ соблюденіемъ ороографіи подлинника. В. Я.

Несторова лѣтопись.

Се повѣсти времяньныхъ [1] лѣтъ, откуду есть пошла Руская земя, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сию.

По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся [2] въстокъ Симови (*слѣдуетъ перечисленіе восточныхъ странъ*). Хамови же яся полуденьная страна (*перечисленіе южныхъ странъ*). Афету же яшася полунощныя страны и западныя (*перечисленіе сѣверныхъ и западныхъ странъ*).

Симъ же, и Хамъ, и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, живяху кождо въ своей части; бысть языкъ единъ. И умножившемъся человѣкомъ на земли [3]), помыслиша создати столпъ до небесе въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и создаша столпъ тъ за 40 лѣтъ, и не свершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: „се родъ единъ и языкъ единъ“. И съмѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433, и въ

---

[1]) Прошедшихъ.

[2]) Отъ ятися, браться, доставаться.

[3]) Дат. самостоятельный: „когда люди умножились“.

лѣта много хранимъ останокъ. По разрушеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне.

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска [1]) земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни: Хорвате Бѣлии, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ [2]) бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове [3]), а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася: друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря и прозвашася своимъ имянемъ [4]) и сдѣлаша градъ и нарекоша и́ Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. И тако разидеся Словѣньский языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вътечетъ въ озеро великое Нево, и того озера внидеть устье въ море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Волковьскаго лѣса и поте-

---

[1]) Венгерская.

[2]) Неизвѣстно, кого лѣтописецъ называетъ „Волохами". Впослѣдствіи этимъ именемъ называли у насъ всѣхъ народовъ романскаго происхожденія и преимущественно румыновъ.

[3]) „А отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи".

[4]) Т. е. Славянами.

четь на полъдне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идѣть на полунощье и внидеть въ море Варяжьское; изъ того лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ [1]) въ море Хвалисьское. Тѣмже и изъ Руси можеть ити по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть въ Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Оньдрѣй, братъ Петровъ, яко же рѣша [2]).

Оньдрѣю учащу въ Синопии [3]) и пришедшю ему въ Корсунь [4]) увѣдѣ, яко изъ Корсуня близь устье Днѣпрьское, и въсхотѣ поити въ Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ [5]), и по приключаю приде и ста подъ горами на бéрезѣ. И заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать“ [6]). И въшедъ на горы сия, благослови я́ [7]), и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како се мыють и хвощются [8]), и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде въ Римъ, и исповѣда, елико научи и елико виде [9]), и рече имъ: „дивно видѣхъ въ землѣ Словеньстѣ идущю ми сѣмо; видѣхъ бани древены, и пережьгуть я́ рамяно [10]), и совлокуться, и будутъ нази, и облѣются квасомъ уснияномь [11]), и возмуть на ея прутье младое, и бьють ся сами,

---

[1]) Жерло (горло, гирло) устье рѣки.

[2]) Какъ говоритъ преданіе.

[3]) На южномъ берегу Чернаго моря.

[4]) Греческая колонія въ Крыму.

[5]) Вверхъ.

[6]) Будущее время.

[7]) Ихъ.

[8]) Стегаютъ себя прутьями.

[9]) Сколько научилъ и сколько видѣлъ.

[10]) Очень сильно.

[11]) „Усниянъ“ значитъ „кажаный“. „Квасъ усниянъ“ вѣроятно кислота, помощью которой дубятъ кожи, т. е. дубильная кислота, добываемая изъ древесной коры.

и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако оживуть; и то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовеніе собѣ, а не мученье". Слышащеи же се дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ въ Римѣ, приде въ Синопию.

Поляномъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кий на горѣ, идѣже нынѣ оувозъ [1]) Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, идѣже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоривица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. И бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, и нарицахуся Поляне, отъ нихже суть Поляне въ Киевѣ и до сего дне.

Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ; у Киева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху [2]): „на перевозъ на Киевъ". Аще бо былъ перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду [3]); но се Кий княжаше въ родѣ своемь; и приходившю ему ко царю, якоже сказають, велику честь приялъ есть отъ царя, при которомь приходивъ цари; идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущии; еже и до нынѣ наричють Дунайци „городище Киевець". Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой скончa; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое. А Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане; отъ нихъ же [4]) Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ; тоже Сѣверъ отъ нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь, а на Ростовьскомъ

---

[1]) Спускъ къ рѣкѣ.
[2]) И потому говорили.
[3]) Дат. мѣста.
[4]) Изъ ихъ же племени.

озерѣ Меря, а Клещинѣ озерѣ Меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечеть въ Волгу, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдва свой языкъ. Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговиги, Сѣверъ, Бужане (зане сѣдоша по Бугу), послѣ же Велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чодь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь [1]), Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь [2]); си суть свой языкъ имуще, отъ колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ.

Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше [3]) отъ Козаръ рекомии [4]) Болгаре и сѣдоша по Дунаеви, и населници [5]). Словѣномъ быша. Посемь придоша Угри Бѣлии и наслѣдиша землю Словѣньску; си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже ходише на Хоздроя царя Перьскаго. Въ си же времяна быша и Обри [6]), иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбьскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3-ли, 4-ли, 5-ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна, и тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици [7]) и умомь горды, и Богъ потреби я́, и помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ и есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ; ихже нѣсть племени ни наслѣдъка. По сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Черннии мимо Киевъ, послѣ же при Олзѣ.

Поляномъ же живущимь особѣ, якоже рекохомъ, бяста 2 брата въ Лясѣхъ: Радимъ, а другий Вятко. И пришедъша сѣдоста Радимъ на Сожю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне; а Угличи и Тиверьци сѣ-

---

[1]) Племена финскія.
[2]) Племена литовскія.
[3]) То есть.
[4]) Племя называемое болгарами.
[5]) Поселились въ землѣ славянской.
[6]) Авары.
[7]) У поляковъ это имя сдѣлалось нарицательнымъ: olbrzym-великанъ.

дяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ бо множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради ихъ до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ, и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и обычай брачный имяху. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣхъ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все нечисто; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу [1]) велику, и възложахуть й на кладу; мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху въ судину [2]) малу и поставляху на столпѣ на путехъ,—еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи и прочии погании [3]), не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ. Глаголеть Георгий (Амартолъ) въ лѣтописаніи: ибо коемуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи. Мы же хрестияне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтъхъ, по смерти братьѣ сея [4]), быша обидимы Древлями и инѣми околними, и наидоша я Козарѣ, сѣдящая [5]) на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань". Съдумавше же Поляне и вдаша отъ дыма [6]) мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ, и рѣша имъ: „се налѣзохомъ [7]) дань нову". Они же рѣша имъ: „откуду?" Они же рѣша: „въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою".

---

[1]) Костеръ.
[2]) Сосудъ.
[3]) Язычники.
[4]) Т. е. Кія, Щека и Хорива.
[5]) Относится къ Полянамъ.
[6]) Отъ жилья.
[7]) Нашли.

Они же рѣша: „что суть вдали?“ Они же показаша мечь. И рѣша старци Козарьстии: „не добра дань, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною остромь (рекше саблями), а сихъ оружье обоюдуостро (рекше мечь), си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ“. Се же сбысться все; не отъ своея воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья. Володѣють Козары [1]) Русьскии князи и до днешняго дне.

Въ лѣто 6360 (852), индикта [2]) 15 день, начеишю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется въ лѣтописаньи Греьстѣмь. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ [3]).

859. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на Всѣхъ [4]), и на Кривичѣхъ, а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ.

862. Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами въ себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“. И идоша за море къ Варягомъ, къ Руси: сице бо тии звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чудь, и Словѣни, и Кривичи и Вси: „земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и володѣти нами“. И изъбрашася 3 братья съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша: старѣйшій, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ, а другий, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третий, Труворъ, Изборьстѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля. По двою же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ. И поидоста

---

[1]) Твор. падежъ.

[2]) Индиктъ—періодъ въ 15 лѣтъ.

[3]) Къ 852 году лѣтописецъ ошибочно относитъ походъ Аскольда и Дира, совершенный (по греческимъ извѣстіямъ) въ 865 году.

[4]) Весь, финское племя, жившее у Бѣлоозера.

по Днѣпру и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ, и упрошаста и рѣста: „чий се градокъ?“ Они же рѣша: „была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ сь, и изгибоша, и мы сѣдимъ, платяче дань Козаромъ“. Аскодлъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Варяги съвокуписта, и начаста владѣти Польскою землею, — Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ.

866. Иде Аскодлъ и Диръ на Греки и приидоша въ 14 лѣто Михаила цесаря, Цесарю же отшедшю на Огаряны [1]), и дошедшю ему Черные рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ идеть, и вратися царь. Си же внутрь Суду [2]) вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сту корабль Царьградъ оступиша. Цесарь же едва въ градъ вниде, и съ патреярхомъ съ Фотьемъ приде къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахѣрнѣ, и всю нощь молитву створиша, таже божественую святыя Богородица ризу съ пѣсньми изнесъше въ рѣку омочиша. Тишинѣ сущи и морю укротившюся, абье буря въста съ вѣтромъ и, волнамъ вельямъ въставшимъ, безбожныхъ Руси корабля смяте и къ брегу приверже, и изби я́, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнуша и въ свояси възвратишася.

879. Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему сущю, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря,—бѣ бо дѣтескъ вельми.

882. Поиде Олегъ, поимъ воя многи: Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленьску и прия градъ, и посади мужь свой; оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свой. И приде къ горамъ къ Киевьскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, и похорони вои въ лодьяхъ, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, и посла ко Асколду и Диру, глаголя: „Яко гость [3]) есмь, и идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ“. Асколдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочи изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы нѣста князя, ни рода княжа, но

---

[1]) Арабы.
[2]) Гавань Константинополя.
[3]) Купецъ.

азъ есмь роду княжа", и вынесоша Игоря: „а се есть сынъ Рюриковъ". И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша ѝ на горѣ, еже ся ныне зоветъ Угорьское, где ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставиша церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: „се буди мати градомъ Русьскимъ". И бѣша у него Варязи, и Словѣни и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ [1]) 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.

883. Поча Олегъ воевати Деревляны и прилучивъ я́, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.

884. Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и возложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему".

885. Посла къ Радимичемъ рька [2]): „кому дань даете?" Они же рѣша: „Козаромъ". И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте". И вдаша Ольгови по щьлягу [3]), яко же и Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ Поляны, и Деревляны, и Сѣверены, и Радимичи, а съ Угличи и Тѣверци имяше дань.

898. Идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и пришедъше къ Днѣпру сташа вежами [4]); бѣша бо ходяще аки се Половци. Пришедше отъ въстока и устремишася чересъ горы великия, яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волохове прияша землю Словеньску; посемъ же Угри погнаша Волъхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я́ подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша возвати Угри на Мораву и на Чехи. Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ. Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Свято-

---

[1]) Гривна равнялась приблизительно полуфунту серебра.
[2]) Вм. рькъı — (говоря).
[3]) Монета
[4]) Палатки.

полкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу глаголюще: „земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ, и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ бо ни Гречьску языку, ни Латыньску; ȏни бо ны инако учать, а ȏни и инако; тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ". Се слышавъ царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскихъ князь. И рѣша философи: „есть мужь въ Селуни, именемъ Левъ, и суть у него сынове разумиви языку Словѣньску, хитра 2 сына у него философа". Се слыхавъ царь, посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: „посли къ намъ въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина". Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я́, и придоста ко цареви и рече има: „се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя книги; сего бо желаютъ". И умолена быста царемъ, и посла я́ въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцелови. Сима же пришедъшема, начаста съставляти писмена азъбуковьная Словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье; и ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божия своимь языкомь. Посемь же преложиста Псалтырь, и Охтаикъ, и прочая книги. И всташа нѣции на ня, ропщюще и глаголюще: „яко не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣи и Грекъ, и Латинъ, по Пилатову писанью, еже па крестѣ Господни написа". Се же слышавъ папежь Римьский, похули тѣхъ, иже ропьщуть на книги Словѣньския, река: „да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възглаголють языки величья Божья, якоже дасть имъ Святый Духъ отвѣщевати; да аще кто хулить Словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ церкве, донде ся исправить; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить отъ плода знати я́ и хранитися ихъ. Вы же, чада Божья, послушайте ученья и не отрините наказанья [1]) церковнаго, яко же вы наказалъ Мефодій, учитель вашь". Констянтинъ же възвратися въспять, и иде учитъ Болгарьскаго языка, а Мефодий оста въ Моравѣ. Посемь же Коцелъ князь

---

[1]) Наставленія.

постави Мефодья епископа въ Пании [1]), на столѣ святаго Онъдроника апостола, единого отъ 70, ученика святаго апостола Павла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зѣло и преложи вся книги исполнь [2]) отъ Гречьска языка въ Словѣнескъ. А Словѣньскый языкъ и Рускый одно есть: отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене.

903. Игореви же възрастъшю, и хожаше по Олзѣ, и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Пьскова, именемъ Олгу.

907. Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставивъ Киевѣ; поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверъ, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверцы, яже суть толковины [3]). Си вси звахуться отъ Грекъ Великая Скуѳь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ, и бѣ числомъ кораблей 2000 и прииде къ Царюгороду, и Греки замкоша Судъ, а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийство сотвори около града Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихже имаху плѣнникы, овѣхъ посекаху, другия же мучаху, иныя же растреляху, а другыя въ море вметаху, и ина много зла творяху Русь Грекомъ, елико же ратники творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля; и бывшю покосну [4]) вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше Греци и убояшася, и рѣша выславше ко Олгови: „не погубляй града, имемъся по дань, яко же хощеши". И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не прия его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася Греци, и рѣша: „нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны отъ Бога". — И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь; и яшася Греки по се.—И почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли. Олегъ же мало отступивъ отъ града, нача миръ творити съ царьма Грецкима, со Леономъ и Александромъ, посла къ нима въ градъ Карла, Фарлоѳа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: „имите ми ся по дань". И рѣша

[1]) Паннонія.

[2]) Сполна.

[3]) Слово неизвѣстнаго значенія.

[4]) Попутный.

Греци; „чего хощеши дамы ти“. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключь [1]), и потомъ даяти уклады на Русьскыя грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, на Переяславль, на Полтѣскъ, на Ростовъ, на Любечь и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи, подъ Олгомъ суще.—„Да приходячи изъ Руси сѣли слебное [2]) емлютъ елико хотячи, а иже придутъ гости да емлютъ мѣсячину на 6 мѣсяць: хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощь; и да творять имъ мовь, елико хотять; поидучи же домовь въ Русь, да емлють у царя вашего на путь брашно, и якори, и ужа [3]), и парусы, и елико имъ надобе“. И яшася Греци и рѣста царя и боярьство все: „аще приидуть Русь безъ купли, да не взимають мѣсячины; да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей. Приходяще Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царьство наше, и да испишють имена ихъ, и тогда возмуть мѣсячное свое,—первое отъ города Киева, и паки изъ Чернигова и изъ Переяславля, и прочии гради; и да входять въ градъ одними вороты со царевымъ мужемъ, безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта [4]) ни въ чемъ же“. Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ сотвориста съ Олгомъ, имшеся по дань и ротѣ [5]) заходивше межы собою, целовавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ.—И рече Олегъ: „испшийте парусы паволочиты [6]) Руси, а Словеномъ кропиньныя“ [7]), и бысть тако; и повѣси щитъ свой на вратехъ, показуя побѣду, и поиде отъ Царяграда. И воспяша Русь парусы паволочиты, а Словене кропиньны, и раздра я̂ вѣтръ; и рѣша Словени: „имемся своимъ толстинамъ [8]), не

[1]) На корабль. „Ключомъ“ назывался багоръ, которымъ привлекали лодки къ берегу (Солов. I, 344).

[2]) Посольское (что слѣдуетъ послу).

[3]) Веревка.

[4]) Пошлина.

[5]) Присяга

[6]) Шелковые.

[7]) Полотняные.

[8]) Холстинные.

даны суть Словѣномъ прѣ [1]) кропинныя". И приде Олегъ къ Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье [2]). И прозваша Олга „вѣщий" [3]): бяху бо людие погани и невѣголоси [4]).

912. Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы. (*Слѣдуетъ текстъ договора, переведенный съ греческаго*) [5]). Царь же Леонъ почти послы Руские дарми, златомъ, и паволоками, и фофудьями [6]), и пристави къ нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и полаты златыя и въ нихъ сущая богатество, злато много и паволокы и каменье драгое, и страсти Господня, и венець, и гвоздие и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я̑ къ вѣре своей и показующе имъ истиную вѣру, и тако отпусти я̑ въ свою землю съ честию великою.—И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити я не вседати на нь, бѣ бо въпрашалъ волъхвовъ и кудесникъ: „отъ чего ми есть умрети?" И рече ему кудесникъ одинъ „княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети". Олегъ же приимъ въ умѣ, си рече: „николи же всяду на нь, ни вижу его боле того". И повелѣ кормити и̑ и не водити его къ нему, и пребы нѣколико лѣтъ не видѣ его, дондеже на Грекы иде. И пришедшю ему къ Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волсви умрети, и призва старейшину конюхомъ, рече: „где есть конь мъй, его же бѣхъ поставилъ кормити и бюсти его?" Онъ же рече: „умерлъ есть". Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: „то ти неправо глаголють волъсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ". И повелѣ оседлати конь: „а то вижу кости его". И прииде на мѣсто, идѣже бѣ

---

[1]) Паруса.

[2]) Всякаго рода дорогая утварь.

[3]) Чародѣй.

[4]) Язычники и невѣжды.

[5]) Мирныя условія съ Греками приведены лѣтописью въ четырехъ редакціяхъ. a) Первая: „И заповѣда Олегъ.... и яшася Греци по се". b) Вторая: „И почаша Греци мира просити.... подъ Олгомъ суще". c) Третья: „Да приходячи.... и утвердиша миръ". d) Четвертая—подлинный договоръ.

[6]) Одежды.

лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде съ коня, и посмеяся рече: „отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?“ И въступи ногою на лобъ; и выникнувши змия изо лба и уклюну въ ногу, и съ того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоша, и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ княжения его 33.—Се же дивно, яко отъ волхвованья собывается чародѣйство. (*Слѣдуетъ разсказъ о чародѣѣ Аполлоніи Тіанскомъ и о людяхъ, пророчествовавшихъ «именемъ Господнимъ»*.

913. Поча княжити Игорь по Олзѣ. И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти.

914. Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ я̑, и возложи на ня дань болши Олговы.

915. Приидоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ съ Игоремъ и приидоша къ Дунаю.

941. Иде Игорь на Греки, и̑ послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдии [1]) 10 тысящь. Иже придоша, и приплуша, и почаша воевати и Судъ весь пожьгоша. Ихже емше, овѣхъ растинаху, другия аки странь [2]) поставляюще и стрѣляху въ ня, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть имъ; много же святыхъ церквий огневи предаша, манастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало отъ обою [3]) страну взяша. Потомъ же пришедъшемъ воемъ отъ въстока, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въоружившеся на Греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша Грьци; Русь же възвратишася къ дружинѣ своей къ вечеру и на ночь влѣзоша въ лодьи и отбѣгоша. Феофанъ [4]) же сустрѣте я̑ въ олядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ Руския, и бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии възъвратишася въсвояси. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кожде своимъ о бывшемъ и о ляднѣмь огни: „якоже молонья, рече, иже на небесѣхъ, Грьци имуть у собе, и се пущающе жежагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ

---

[1]) Лодка.

[2]) Цѣль.

[3]) Отъ европейской и азіатской.

[4]) Полководецъ.

имъ“. Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя[1]) я̆ на Греки, паки хотя поити на ня.

944. Игорь совкупивъ вои многи: Варяги, и Русь, и Поляны, и Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги ная, и тали[2]) у нихъ поя, поиде на Греки въ лодьяхъ и на конихъ, хотя мьсти̂ти себе. Се слышавше Корсунци, послаша къ Роману, глаголюще: „се идуть Русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли“. Такоже и Болгаре послаша вѣсть глаголюще: „идуть Русь, и наяли суть къ собѣ Печенѣги“. Се слышавъ царь, посла къ Игорю лучиѣ боляре, моля и глаголя: „не ходи, но возьми дань, юже імалъ Олегъ, придамь и еще къ той дани“. Такоже и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же дошедъ Дуная созва дружину, и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина Игорева: „да аще сице[3]) глаголеть царь, то что хочемъ боле того,—не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? еда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ?[4]) се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ“. Послуша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болъгарьску землю; а самъ вземъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възвратися въспять, и приде къ Киеву въсвояси.

945. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы къ Игорови построити мира; Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Руския слы,и велѣша глаголати и псати обоихъ рѣчи на харатьѣ. (*Слѣдуетъ текстъ договора*).

Послании же сли Игъремъ придоша къ Игореви со слы Гречьскими, и повѣдаша вся рѣчи царя Рамана. Игорь же призва слы Гречьския, рече имъ: „глаголите, что вы казалъ царь?“ И рѣша сли цареви: „се посла ны царь, радъ есть миру, хощетъ миръ имѣти со княземъ Рускимъ и любъве; твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитъ тебе и мужь твоихъ“.

---

1) Приглашать.
2) Заложникъ.
3) Такъ.
4) Можетъ ли кто съ моремъ сговориться.

Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ: се бо бѣ сборная церви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни. Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ скорою [1]), и чалядью [2]), и воскомъ, и отпусти я; сли же придоша ко цареви и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь къ Грекомъ Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя промыслити большюю дань.

Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроци Свѣньлъжи [3]) изодѣлися суть оружиемъ и порты [4]), а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. И послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ мужи его; возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще“. Пусти дружину свою домови, съ маломъ [5]) же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: „аще ся въвадить [6]) волкъ въ овцѣ то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се: аще не убьемъ его, то вся ны погубить“. И послаша къ нему глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси всю дань“. И не послуша ихъ Игорь, и вышедши изъ града Изъкоръстѣня Деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне. Вольга же бяше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець [7]) его Асмудъ.

---

[1]) Мѣха (шкуры).

[2]) Рабы.

[3]) Свѣнельдъ-воевода Игоревъ, имѣвшій—какъ видно изъ этого мѣста—и свою дружину.

[4]) Богаты оружіемъ и одеждами.

[5]) Т. е. числомъ.

[6]) Повадится.

[7]) Воспитатель.

и воевода бѣ Свѣнелдъ, отець Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: „се князя убихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, яко же хощемъ". И послаша Деревляне лучьшие мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевския, и на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва я̂ Ольга къ собѣ и рече имъ: „добри гостье придоша"; и рѣша Деревляне: „приходомъ, княгине". И рече имъ Ольга: „да глаголете, что ради придосте сѣмо?" Рѣша же Древляне: „посла ны Дерьвьска земля, рекущи сице: „мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть [1]) Деревьску землю, да поиде за князь нашь за Малъ". (Бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску). Рече же имъ Ольга: „люба ми есть рѣчь ваша,—уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а ныне идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся, и азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и вънесуть вы въ лодьи". И отпусти я̂ въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: „зоветь вы Ольга на честь велику". Они же рѣша: „не едемъ на конѣхъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи". Рѣша же Кияне: „намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгини наша хочетъ за вашь князь". И понесоша я̂ въ лодьи. Они же сѣдяху гордящеся; и принесоша я̂ на дворъ къ Ользѣ и, несъше, вринуша я̂ въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: „добра ли вы честь?" Они же рѣша: „пуще ны Игоревы смерти". И повелѣ засыпати я̂ живы, и посыпаша я̂. И пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: „да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты [2]), да въ велицѣ чти приду за вашь князь,—еда [3]) не пустять мене людье Киевьстии". Се слышавше Деревляне, избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъ-

[1]) Привели въ порядокъ.
[2]) Именитыхъ.
[3]) А то пожалуй.

шимъ, повелѣ Олега мовь створити, рькуще сице: „измывшеся придите ко мнѣ“. Они же пережьгоша истопку [1]), и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажещи ю отъ дверий, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: „се уже иду къ вамъ, да пристройте меды многи въ градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его и створю трызну мужю своему“. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло и възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко идущи приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсути [2]) могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними, и рѣша Деревляне къ Ользѣ: „кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?“ она же рече: „идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего“. И яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня [3]), а сама отъиде кромѣ [4]), и повелѣ дружинѣ своей сѣчи Деревляны; и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возъвратися Киеву и пристрои вои на прокъ ихъ.

946. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Деревьску землю. И изидоша Деревляне противу, и сънемъшемася обѣма полкома на скупь [5]), суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи [6]), и удари въ ноги коневи: бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: „князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ“. И побѣдиша Деревляны; Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ; а Деревляне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града,—вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати [7]). И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла

[1]) Истопивши избу.

[2]) Насыпать.

[3]) Пить за нихъ здоровье. Ср. подъ 1066 годомъ: „княже! хощю на тя пити“.

[4]) Въ сторону.

[5]) Когда оба полка сошлись вмѣстѣ.

[6]) Промежъ ушей.

[7]) Что съ ними будетъ, если сдадутся.

ко граду глаголющи: „что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань“. Деревляне же рекоша: „ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего“. Рече же имъ Ольга: „яко азъ мстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, и второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, и смирившися съ вами поиду опять“. Рекоша же Деревляне: „што хощеши у насъ? ради даемъ медомъ и скорою“. Она же рече имъ: „нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи; азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже мужь мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ, да сего у васъ прошю мало“. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша къ Ользѣ съ поклономъ. Вольга же рече имъ: „се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я заутра отступлю отъ града и поиду въ градъ свой“. Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви и повелѣ къ коемуждо голуби и къ воробьи привязывати цѣрь [1]), обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, голуби въ голубьники, воробьеве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины [2]). и не бѣ двора, идеже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я̂: старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ [3]) предасть мужемъ своимъ, а прокъ [4]) ихъ остави платити дань. И възложи на ня дань тяжьку: 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ: бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по

---

[1]) Сѣра.
[2]) Вѣжа-палатка, шатеръ, чердакъ; Одрина-спальня.
[3]) Рабство.
[4]) Остатокъ.

Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть стоновища ея и ловища (и до сего дне). И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино,

947, иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты [1]) и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья, и мѣста, и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища [2]) и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе.

955. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ; и приде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ съ нами". Она же разумѣвши рече ко царю: „азъ пагана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся„. И крести ю царь съ патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ. Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя цариця, мати Великаго Костянтина. И благослови ю патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече ей: „хощю тя пояти собѣ женѣ". Она же рече: „како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси". И рече царь: „переклюкала [3]) мя еси Ольга". И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дщерью собѣ.—Си же Ольга приде Киеву, и присла къ ней царь Гречьский, глаголя: „яко много дарихъ тя; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся въ Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ, и скъру и вои въ помощь". Отвѣщавши Ольга и рече къ сломъ: „аще ты, рьци, такоже постоиши у мене въ Почайнѣ, яко же азъ въ Суду, то тогда ти дамь"; и отпусти слы, сь рекъши. Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть й мати креститися; и небрежаше того ни во уши примати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся [4]) тому: невѣрнымъ бо вѣра хрестьянска уродьство есть.

---

[1]) По другому чтенію: погосты.
[2]) Вѣроятно рыболовныя тони.
[3]) Перехитрила.
[4]) Не препятствовали, но издѣвались.

964. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя аки пардусъ, [1]) войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше; ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такжe и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: „хочю на вы ити". И иде на Оку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: „кому дань даете?" Они же рѣша: „Козаромъ по щьлягу отъ рала [2]) даемъ".

965. Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлу Вежю [3]) взя. Ясы побѣди и Касогы [4]).

966. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

967. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемъся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на Грьцѣхъ.

968. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ съ унуки своими: Ярополкомъ, и Ольгомъ и Володимеромъ. И оступиша Печенѣзи градъ въ силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собравшеся людье оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, объ ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити въ Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града къ онѣмъ. И въстужиша людье въ градѣ и рѣша: „нѣсть ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамы Печенѣгомъ?" И рече единъ отрокъ: „азъ преиду"; и рѣша: „иди". Онъ же изиде изъ града съ уздою, и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: „не видѣ ли коня никтоже?" бѣ бо умѣя печенѣжьски, и мняхуть и́ своего. И яко приближися къ рѣцѣ, сунуся въ Днѣпръ и побреде; видѣвъше же Печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничто же створити. Они же видѣвше съ оноя страны, и приѣхаша въ лодьи противу ему, и

---

1) Рысь, барсъ.
2) Плугъ.
3) На Дону.
4) Кавказскіе народы.

взяша й въ лодью и привезоша й къ дружинѣ; и рече имъ: „аще не подступите заутра къ городу, предатися хотять людье Печенѣгомъ". Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: „подъступимъ заутра въ лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ". Яко бысть заутра, всѣдъше въ лодьи противу свѣту [1]) и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно отъ града; и изиде Ольга съ унуки и съ людми къ лодьямъ. Видѣвъ же се князь Печенѣжьский, възвратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: „кто се приде?" и рече ему: „людье оноя страны". И рече князь Печенѣжьскій: „а ты князь ли еси?" онъ же рече: „азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, и по мнѣ идеть полкъ съ княземъ безъ числа множьство;" се же рече грозя имъ. Рече же князь Печенѣжьский къ Прѣтичю: „буди ми другъ;" онъ же рече: „тако створю". И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. И отступиша Печспѣзи отъ града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи. И послаша Кияне къ Святославу, глаголюще: „ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ; малымъ бо насъ не взяша Печенѣзи, и матерь твою, и дѣти твои; аще не поидеши, не обраниши насъ, да пакы ны возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матере, стары суща, и дѣтий своихъ". То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ; и собра вои, и прогна Печенѣги въ поле, и бысть миръ.

960. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: „не любо ми есть въ Киевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь". Рече ему Волга: „видиши мя болну сущю; камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: „погребъ мя иди, яможе хощеши". По трехъ днехъ умре

[1]) На разсвѣтѣ.

Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великомь; и несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не твори трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли аки деньница [1]) предъ солнцемь и аки заря предъ свѣтомъ, си бо сияше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся.

970. Святославъ посади Ярополка въ Киевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ се же время придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собѣ: „аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ"; и рече къ нимъ Святославъ: „а бы пошелъ кто къ вамъ". И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: „просите Володимера". Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыни, отець же бѣ има Малъкъ Любечанинъ. И рѣша Ноугородьци Святославу: „вѣдай ны Володимера;" онъ же рече имъ: „вото вы есть". И пояша Ноугородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

971. Приде Святославъ въ Переяславець, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болъгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: „уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!" И къ вечеру одолѣ Сватославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ Грекомъ, глаголя: „хочю на вы ити и взяти градъ вашь, яко и сей". И рѣша Греци: „мы недужи противу вамъ стати, но возми дань себѣ и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы". Се же рѣша Греци льстяче [2]) подъ Русью; (суть бо Греци лстивы и до сего дни). И рече имъ Святославъ: „есть насъ 20 тысящь", и прирече 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь толко. И пристроиша Грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми ту, мертвыи бо срама не имамъ; ащели побѣгнемъ, срамъ имамъ, и не имамъ убѣжати; но ста-

---

[1]) Утренняя звѣзда.

[2]) Обманывая.

немъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя голова ляжетъ, то промыслите собою". И рѣша вои: „иде же глава твоя, ту и свои главы сложимъ". И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Святоставъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя въ полату, и рече имъ: „что створимъ, яко не можемъ противу ему стати?" И рѣша ему боляре: „посли къ нему дары, искусимъ и́, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ". И посла къ нему злато, и паволоки и мужа мудра; рѣша ему: „глядай взора его и лица его, и смысла его;" онъ же веземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша Грьци съ поклономъ, и рече: „въведѣте я́ сѣмо". Придоша и поклонишася ему, и положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря [1]), отрокомъ своимъ: „схороните". Они же придоша ко царю, и созва царь боляры, рѣша же послании: „яко придохомъ къ нему, и вдахомъ дары, и не возрѣ на ня, и повелѣ схоронити". И рече единъ: „искуси и́ еще, посли ему оружье". Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша къ нему; онъ же приимъ, нача хвалити, и любити, и целовати [2]) царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша боляре: „лютъ се мужь хощетъ быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть; имися по дань". И посла царь глаголя сице: „не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши"; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя: „яко родъ его возметь". Взя же и дары многы, и възвратися въ Переяславець съ похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече въ собѣ: „еда како прельстивше изъбьютъ дружину мою и мене"; бѣша бо многи погибли въ полку [3]); и рече: „поиду въ Русь, приведу боле дружины". И посла слы ко цареви въ Деревьстръ [4]), бо бѣ ту царь, рька сице: „хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь". Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары больша первыхъ. Святославъ же прия дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сице: „аще не створимъ мира

[1]) Смотря въ сторону.
[2]) Благодарить.
[3]) Походъ.
[4]) Нынѣшняя Силистрія.

со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ; а Руска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможетъ? но створимъ миръ со царемъ, се бо нынѣ ся по дань яли, и то буди доволно намъ; аще ли почнеть не управляти дани, да изнова изъ Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду". Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я̆, и рече царь: „да глаголють сли Рустии". Они же рѣша: „тако глаголетъ князь нашь: хочу имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта". Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославля на харатью [1]); нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писець писати. Глагола сице:

„Азъ Святославъ, князь Руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь съ великимъ царемъ Гречьскимъ до конца вѣка. Яко николи же помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ. Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ [2]), азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ золоти [3]) яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ. Се же имѣйте въ истину, яко же сотворихомъ нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ".

Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень [4]) Свѣналдъ: „поиде, княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣзи въ порозѣхъ". И не послуша его, и поиде въ лодьяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: „се идеть Святославъ въ Русь, вземъ имѣнье много у Грекъ и полонъ бещисленъ, съ маломъ дружины". Слы-

---

[1]) Пергаментъ.
[2]) Т. е. если не соблюдемъ вышесказанное.
[3]) Желты.
[4]) Отцовскій.

шавше же се Печенѣзи, заступиша пороги; и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ; и ста зимовати въ Бѣлобережьи [1]), и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвши,

972, поиде Святославъ въ пороги, и нападе на нь Куря, князь Печенѣжьский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его сдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху изъ него. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава 20 и 8.

973. Нача княжити Ярополкъ.

975. Ловъ дѣющю Свѣналдичю [2]), именемъ Лютъ, ишедъ бо изъ Киева гна по звѣри въ лѣсѣ; и узрѣ и́ Олегъ, и рече: „кто се есть?“ И рѣша ему: „Свѣналдичь“ и заѣхавъ уби и́, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межи има ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: „поиди на братъ свой и прими волость его“, хотя отмьстити сыну своему.

977. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю, и изиде противу его Олегъ, и ополчистася; ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомый Вручай [2]) бяше чересъ гроблю [4]) мостъ ко вратомъ граднымъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга съ мосту въ дебрь. Падаху людье мнози и удавиша кони человѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, я пере власть его, и посла искатъ брата своего; и искавъше его не обрѣтоша; и рече единъ Деревлянинъ: „азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша съ мосту“. И посла Ярополкъ искатъ брата, и влачиша трупья изъ гробли отъ утра и до полудне, и налѣзоша Ольга высподи [5]) трупья, вынесоша и́, и положиша и́ на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася и рече Свѣналду: „вижь, сего ты еси хотѣлъ?“ И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прия власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена Грекини бѣ, и

[1]) При устьѣ Дуная.
[2]) Сынъ Свѣнельда.
[3]) Овручъ.
[4]) Ровъ.
[5]) Внизу.

бяше была черницею; бѣ бо привесъ ю отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышавъ же Володимеръ въ Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ посадники своя посади въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ въ Руси.

980. Приде Володимеръ съ Варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: „идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ идеть на тя, пристроивайся противу битъся“. И сѣде Новѣгородѣ. И посла къ Рогъволоду Полотьску, глаголя: „хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ“. Онъ же рече дщери своей: „хощеши ли за Володимера?“ она же рече: „не хочю розути робичича [1]), но Ярополка хочю“ (Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася). И придоша отроци Володимерови и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя Полотьскаго; Володимеръ же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. Въ се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъщерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ съ людми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимеръ обрывся на Дорожичи, межю Дорожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ его и до сего дне.

Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: „поприяй ми; аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ; азъ же того убоявъся придохъ на нь“. И рече Блудъ къ посломъ Володимеремь: „азъ буду тобѣ въ сердце и въ приязньство“. И рече Блудъ Ярополку: „Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни за градъ“. И послуша его Ярополкъ, и изъбѣгъ предъ нимъ затворися въ градѣ Родьни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде въ Киевъ, и осѣде Ярополка въ Роднѣ, и бѣ гладъ великъ въ немь, и есть притча до сего дне: „бѣда аки въ Роднѣ“. И рече Блудъ Ярополку: „видиши, колько вой

[1]) Мать Владиміра была прислужницей.

у брата твоего? нама ихъ не перебороти; твори миръ съ братомъ своимъ"; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: „такъ буди". И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя: „яко сбыстьса мысль твоя; яко приведу къ тобѣ Ярополка, и пристрой убити й". Володимеръ же то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, сѣде ту съ вои и съ дружиною своею; и рече Блудъ Ярополку: „поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму". Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжько: „не ходи, княже, убьють тя; побѣгни въ Печенѣги и приведеши вои"; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру, яко полѣзе въ двери, и подъяста ї два Варяга мечьми подъ пазусѣ, Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ; и тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяшко же видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора въ Печенѣги, и много воева Володимера со Печенѣгы, одва приваби й, заходивъ къ нему ротѣ. Володимеръ же поя жену братьню Грекиню, отъ нея же родися Святополкъ. — Посемь рѣша Варязи Володимеру: „се градъ нашь; мы прияхомъ ї, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка". И рече имъ Володимеръ: „пождѣте, да вы куны [2]) сберуть, за мѣсяць". И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: „сольстилъ еси намъ, да покажи намъ путь въ Греки"; онъ же рече имъ: „идѣте". И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: „се идуть къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи ѩ разно, а сѣмо не пущай ни единого".—И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, нарицюче ѩ богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но приблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ ныне церки стоить, святаго Василія есть. — Володимеръ же посади Добрыну въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына

[1]) Едва заманилъ.

[2]) Въ буквальномъ смыслѣ—куньи мѣха; въ переносномъ—деньги.

Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородьстии аки Богу.

Въ лѣто 981. Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. Въ семже лѣтѣ и Вятичи побѣди, и възложи на ня дань отъ плуга, яко же и отець его имаше.

982. Заратишася Вятичи, и иде на ня Володимеръ и побѣди я̂ второе.

983. Иде Володимеръ на Ятвягы [1]), и побѣди Ятвягы, и взя землю ихъ. И иде Киеву, и творяше требу кумиромъ съ людми своими; и рѣша старци и боляре: „мечемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ". Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ; бѣ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, и держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. И рѣша пришедше послании къ нему: „яко паде жребий на сынъ твой, изволиша бо и̂ бози собѣ; да створимъ требу богомъ". И рече Варягъ: „не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками въ деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служать Грьци. Не дамъ сына своего бѣсомъ". Они же шедше поведаша людемъ; они же, вземше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его; онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: „вдай сына своего, да вдамы богомъ его". Онъ же рече: „аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?" И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я̂; и не свѣсть никто же, гдѣ положиша я̂. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близь погибель хотяше быти ему.

984. Иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла и̂ Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сърѣте я̂ на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди Радимичѣ Волъчий Хвостъ; тѣмь и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: „Пищаньци волъчья хвоста бѣгають". Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; при-

---

[1]) Литовское племя.

шедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

985. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ; и побѣди Болгары. Рече Добрыня Володимеру: „съглядахъ колодникъ, и суть вси въ сопозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ". И створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: „толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути". И приде Володимеръ Киеву.

986. Придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ [1]), глаголюще: „яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй въ законъ нашь и поклонися Бохъмиту". И рече Володимеръ: „како есть вѣра ваша?" Они же рѣша: „вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: свинины не ясти, вина не пити". Рече же Володимеръ: „Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти". Потомъ же придоша Нѣмьци, глаголюще: „придохомъ послании отъ папежа; реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть". Володимеръ же рече: „кака заповѣдь ваша?" Они же рѣша: „пощенье по силѣ; аще кто пьеть и ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашь Павелъ". Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: „идѣте опять [2]), яко отци наши сего не приняли суть". Се слышавше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: „слышахомъ, яко приходиша Болгаре и хрестеяне, учаще тя кождо вѣрѣ своей; хрестьяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю". И рече Володимеръ: „что есть законъ вашь?" Они же рѣша: „свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити". Онъ же рече: „то гдѣ есть земля ваша?" Они же рѣша: „въ Ерусалимѣ". Онъ же рече: „то тамо ли есте?" Они же рѣша: „разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестеяномъ". Онъ же рече: „то како вы инѣхъ учите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте

[1]) Болгары камскіе, магометанской вѣры.
[2]) Вспять, назадъ.

расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите прияти?" [1]). Посемь же прислаша Грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице. (*Слѣдуетъ краткое изложеніе Ветхаго и Новаго Завѣта*). И се рекъ показа Володимеру запону [2]), на ней же бѣ написано судище Господне, показываше ему о десну преведныя въ весельи предъидуща въ рай, а о шюю грѣшники идуща въ муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: „добро симъ о десную, горе же симъ о шюю". Онъ же рече: „аще хощеши о десную съ праведными стати, то крестися". Володимеръ же положи на сердци своемъ, рекъ: „пожду еще мало", хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ.

987. Созва Володимеръ бояры своя и старци градьскиѣ [3]), и рече имъ: „се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: приими законъ нашь; посемь же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣ же придоша Грьци, хуляще вси закони, свой же хваляще. Да что ума придасте? что отвѣщаете?" И рѣша бояре и старци: „вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи; пославъ испытай когождо ихъ слубжу, и и кто како служить Богу". И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: „идѣте первое въ Болгары и испытайте вѣру ихъ". Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье въ ропати [4]); придоша во землю свою. И рече имъ Володимеръ: „идѣте паки во Нѣмци, съглядайте такожде, и оттудѣ идѣте въ Греки". Они же придоша въ Нѣмци, и сглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша; они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего". Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья

---

[1]) Развѣ вы хотите, чтобы и съ нами случилось тоже.

[2]) Завѣса.

[3] Городскіе старѣйшины.

[4] Мечеть.

и лики съставиша. И иде съ ними въ церковь, и поставиша я҄ на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я҄ царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: „идѣте въ землю вашю", и отпустиша я҄ съ дары велики и съ честью. Они же придоша въ землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: „се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее", и рече: „скажите предъ дружиною". Они же рѣша: „яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонився сядеть и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ; нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмци и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ [1]) Богъ съ человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамы сде быти [2]). Отвѣщавше же боляре рекоша: „аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя приняла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ". Отвѣщавъ же Володимиръ, рече: „гдѣ крещенье приимемъ?" Они же рекоша: „гдѣ ти любо". И минувшю лѣту, (988), иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьский, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино [3]), и боряхуся крѣпко изъ града; Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: „аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта". Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ [4]), Корсуняне, подъкопавше

---

[1]) Тамъ.

[2]) Не останемся здѣсь.

[3]) По ту сторону города въ заливѣ, на полетъ стрѣлы отъ города.

[4]) Когда они сыпали.

стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть [1]), и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И се мужъ Корсунянинъ, имянемъ Настасъ, стрѣли, напсавъ сице на стрѣлѣ: „кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идетъ по трубѣ, копавъ перейми". Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: „аще се ся сбудетъ, самъ ся крещю". И ту абье повелѣ копати преки [2]) трубамъ, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаголя сице: „се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створихъ". И слышаста царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: „не достоитъ хрестеяномъ за поганыя даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и съ нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя". Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ отъ царю: „глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже ми сповѣдаша послании нами мужи". И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта ко Володимеру, глаголюща: „крестися и тогда послевѣ сестру свою къ тобѣ". Рече же Володимеръ: „да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя". И послушаста царя, и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры; она же не хотяше ити: „яко въ полонъ", рече, „иду, луче бы ми сде умрети". И рѣста ей брата: „еда како обратитъ Богъ тобою Рускую землю въ покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати; видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ, аще не идеши, тоже имутъ створити намъ"; и одва ю̇ принудиша. Она же сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики [3]) своя съ плачемъ, поиде чресъ море; и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и въведоша ю̇ въ градъ, и посадиша ю̇ въ полатѣ. По Божью же устрою въ се время разболѣся Володимеръ очима и не видяше ничтоже, и

[1]) Земля.

[2]) Поперекъ.

[3]) Родственники.

тужаше [1]) велми, и не домышляшеться [2]) что сотворити; и посла къ нему царица, рекущи: „аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися; аще ли ни, то не имаши избыти недуга сего“. Си слышавъ Володимеръ, рече: „да аще истина будеть, то по истинѣ великъ Богъ будеть хрестеяneскъ“, и повелѣ хрестити ся. Епископъ же Корсуньскій съ попы царицины, огласивъ, крести Володимира; и яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видѣвъ же се Володимеръ напрасное [3]) изцѣленье, и прослави Бога, рекъ: „топерво [4]) уведѣхъ Бога истиньнаго“. Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся въ церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть въ Киевѣ; инии же рѣша: въ Василеве; друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестьяньску, рекуще сице: „да не прельстять тебе нѣции отъ еретикъ, но вѣруй, сице глаголя“: *(слѣдуетъ исповѣданіе православной вѣры)*. Володимеръ же посемъ поемъ [5]) царицю и Настаса и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсуни на горѣ, идѣже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу,—яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида [6]) мѣдянѣ двѣ капищи [7]) и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я́ мрамаряны суща [8]). Вдасть же за вѣно [9]) Грекомъ Корсунь царицѣ дѣля [10]) а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ

[1]) Скорбѣлъ.
[2]) Imperfectum съ сохраненіемъ личнаго окончанія.
[3]) Внезапное.
[4]) Теперь.
[5]) Взявъ (причас. прош. отъ пояти).
[6]) Вм. иды (идя).
[7]) Статуя.
[8]) Незнающіе думають, что они мраморные.
[9]) Выкупъ за невѣсту.
[10]) Р дп, за.

хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ [1]). Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образомъ человѣкы, да възмездье прииметь отъ человѣкъ. Велий еси, Господи, чюдна дѣла твоя! вчера чтимь отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху приляли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и́ въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще где пристанеть, вы отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги пройдеть; то тогда охабитеся его" [2]) Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и́, пройде сквозѣ пороги, изверже и́ вѣтръ на рѣнь [3]), и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть. Посемь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: „аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть". Се слышавше людье съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли". Наутрия же изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся безъ числа людий: влѣзоша въ воду, и стояху овы по шие, а друзии до персий, младенци же отъ берега, друзии же младенци држаще, свершении же [4]) бродяху, попове же стояще молитвы творяху. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, и повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ идеже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитые чади [5]) дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по

[1]) Бить палками.

[2]) Оставьте.

[3]) Вѣроятно отмель.

[4]) „Несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали въ рукахъ младенцевъ, а крещеные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно уча некрещеныхъ, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ". (Соловьевъ).

[5]) У именитыхъ людей.

нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвыхъ плакахуся.

989. Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, и пославъ приведе мастеры отъ Грекъ. И начевшю же здати, и яко скончазижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити въ ней, взявъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты.

Въ лѣто 991. Володимеръ заложи Бѣлъгородъ и наруби въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людий сведе во нь; бѣ бо любя градъ сь.

992. Иде Володимеръ на Хорваты. Пришедшю ему съ войны Хорватьскыя, се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь Печенѣжьский къ рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: „выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да еще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта"; и разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары [1]), посла биричи [2]) по товаромъ, глаголя: „нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномь?" и не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, а у нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: „княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми й сварящю, и оному мьнущю уение, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама" [3]). Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша й ко князю, и князь повѣда ему вся; сей же рече: „княже! не вѣмь, могу ли со нь (боротися); но да искусять мя: нѣту ли быка велика и силна?" И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражнити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и

---

[1]) Таборъ, лагерь.

[2]) Княжескіе слуги.

[3]) Однажды, когда я его бранилъ, а онъ мялъ кожу, разсердившись на меня, онъ разорвалъ кожу руками.

быка пустиша, и побѣже быкъ мимо й, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая [1]); и рече ему Володимеръ: „можеши ся съ нимъ бороти“. И наутрия придоша Печенѣзи, почаша звати: „нѣ ли мужа? се нашъ доспѣлъ“. Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружье, и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь Володимерь [2]), и узрѣ й Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и яста ся и почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ рукахъ до смерти, и удари имь о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь, и нарече й Переяславль, зане перея славу отроко-тъ. Володимеръ же великимь мужемъ створи того и отца его.

996. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню и помолися Богу, и рекъ сице: „даю церкви сей святѣй Богородицѣ отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“. И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „аще кто сего посудить, да будеть проклятъ“. И вдасть десятину Настасу Корсунянину, и створи праздникъ великъ въ тъ день боляромъ и старцемъ градскимъ, и убогимъ раздая имѣнье много.

По сихже придоша Печенѣзи къ Василеву, и Володимеръ съ малою дружиною изыде противу, и съступившимся, и не могъ стерпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостомъ, одва укрыся противныхъ, и тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тъ день Преображенье Господне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего [3]), постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ [4]) меду, и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогымъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту пакы сотворяше праздникъ великъ

---

[1]) Сколько захватила рука.
[2]) Прилаг. притяжательное.
[3]) Избавившись отъ этой опасности.
[4]) Заторъ.

сзывая бещисленое множство народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою еуангелье чтомо: блажени милостивии, яко ти помиловани будуть; и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ; и пакы: не скрывайте собѣ скровищь на земли, идеже тля тлить и татье подъкопованють, но скрывайте собѣ скровище на небесѣхъ, идеже ни тля тлить, ни татье крадуть, — повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьницъ кунами [1]). Устрои же и се, рекъ: „яко немощнии и болнии не могуть долѣсти двора моего“; повелѣ пристроити кола [2]), и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по городу, въпрашающе: „кде больний и нищь, не могы ходити?“ тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ, по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ [3]), и съцьскымъ и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя; бываше множство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными“. Се же слышавъ Володимеръ, повела исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, сице рекъ: „яко серебромь и златомъ не имамъ налѣсти [4]) дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра“. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ. И бѣ живя съ князи околними миромь, съ Болеславомь Лядьскымь, и съ Стефаномъ Угрьскымъ, и съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи, и умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“ Онъ же рече имъ: „боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „ты поста-

---

[1]) Скотница--казнохранилище.

[2]) Телѣга.

[3]) Тѣлохранители.

[4]) Не добуду.

вленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но съ испытомъ". Володимеръ же отвергъ виры [1]), нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: „рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди". И рече Володимеръ: „тако буди". И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню.

997. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ [2]) на Печенѣгы, бѣ бо рать велика безъ перестани, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи, яко князя нѣ ту, и придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣсти изъ города, и бысть гладъ великъ въ городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множьство много. И бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: „се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту; да луче ли ны померети, дадимъся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада"; и тако совѣтъ створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и въпраша: „что ради вѣче было?" И людье повѣдаша ему, яко утро хотятъ ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: „слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ". Они же рѣша: „не стерпять людье глада". И рече имъ: „послушайте мене, не предайтеся за 3 дни, а я вы что велю, створите". Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: „сберѣте аче и [3]) по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубей"; они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь [4]), въ немь же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду; они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медуши; и повелѣ росытити велми и въльяти въ кадь въ друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по Печенѣгы; и горожане же рѣша, шедше къ Печенѣгомъ: „поимѣте къ собѣ таль нашь, а вы поидѣте до 10 мужь въ градъ, да видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ". Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хо-

[1]) Пеня.

[2]) За воинами въ верхнихъ (относительно Кіева) земляхъ.

[3]) Хотя.

[4]) Растворъ.

тять, пояша у нихъ тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи и послаша въ градъ, да розглядають въ городѣ, что ся дѣеть. И придоша въ городъ, и рекоша имъ людье: „почто губите себе? коли можете престояти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима". И приведоша я́ къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь и льяша въ латки, и яко свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомь же Печенѣзи. И удивишася и рекоша: „не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами". Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, и вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи Печенѣзьстии, и подивишася, и поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа отъ града, въсвояси идоша.

1014. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомь дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяще къ Кыеву, отцю своему, И рече Володимеръ; „требите путь и мостите мостъ", хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.

1015. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе Варягы, боя́ся отца своего; но Богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру же разболѣвшюся, въ се же время бяше у него Борисъ; Печенѣгомъ идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, въ ней же болести и скончася мѣсяца Иуля въ 15 день. Умре же па Берестовѣмь, и потаиша и́, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю двема клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше въ коверъ и́, ужи свѣсиша на землю; възложьше и́ на сани, везъше поставиша и́ въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ [1]). Се же

[1]) „Потаить" значить здѣсь тоже, что въ другихъ случаяхъ выражалось словомъ „спрятать", т. е. убрать, нарядить покойника. „Обертѣвше въ коверъ". У русскихъ употребленіе гроба является очень поздно, не раньше XVII вѣка; въ прежнее время тѣло обертывалось въ лубъ, бересту, коверъ или плащъ („корзно") и обвязывалось веревками. Даже въ XVII вѣкѣ гробъ употреблялся иногда только для переноса тѣла до могилы, гдѣ оно вынималось изъ гроба и перекладывалось въ каменную гробницу („корста мороморяна"). „Между клѣтьми проимавше помостъ", т. е. ра-

увѣдѣвъше людье, безъ числа снидошася и плакашася по немь, бояре аки заступника ихъ земли, убозии, аки заступника и кормителя; и вложиша й въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемь, блаженаго князя. Се есть новый Костянтинъ великого Рима. Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю́.

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомь. Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: „отецъ ти умерлъ". И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: „се дружина у тобе отьня и вои; поиди сяди Кыевѣ на столѣ отни". Онъ же рече: „не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто". И се слышавше вои, разидошася отъ него; Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же исполнивъся беззаконія, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая къ Борису, глаголаше: „яко съ тобою хочю любовь имѣти и къ отню придамь ти"; а льстя подъ нимь, како бо й погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай [1]) призва Путшю и Вышегородскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: „прияете ли ми всѣмъ сердцемь?" Рече же Путьша и Вышегородьци: „можемъ главы своя сложити за тя". Онъ же рече имъ: „не повѣдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса". Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. Послании

зобравши заборъ между домами, или стѣну между двумя комнатами,—похоронный обрядъ общій многимъ народамъ. Онъ объясняется страхомъ передъ умершимъ. Готтентоты говорятъ, что выносъ покойника не черезъ обыкновенный ходъ дѣлается для того, чтобы умершій забылъ обратный входъ и не могъ, еслибы даже захотѣлъ, опять войти въ жилище. „Сани" употреблялись при царскихъ похоронахъ до конца XVII вѣка (такъ хоронили въ 1696 году царя Іоанна Алексѣевича),—и при томъ во всякое время года. Предпочтеніе отдавалось санямъ, какъ самому древнему, первобытному экипажу. Подобный же примѣръ переживанія можно видѣть въ каменныхъ ножахъ, которые употреблялись египтянами при бальзамированіи труповъ уже въ то время, когда оружіе вообще дѣлалось изъ металла. (См. Анучина: „Сани, лодки и кони, какъ принадлежности погребальнаго обряда". 1890 г.).

[1]) Тайно.

же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и́. И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и́ копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на немъ, прободоша съ нимь. Бѣ бо сей любимъ Борисомь; бяше отрокъ сь родомь сынъ Угърескъ, именемь Георги, его же любяше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику [1]), въ ней же предъстояше предъ нимь. Избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгиеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣмже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше въ шатеръ, възложивше на кола, повезоша и́, и еще дышющю ему. Увѣдѣвъ же се оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею́ извлекъ мечь, проньзе и́ къ сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкве святаго Василья. Оканьнии же си убийцѣ придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, Талець, Еловить, Ляшько, отець же ихъ сотона.—Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: „се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?“ И приимъ помыслъ Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: „поиди вборзѣ, отець тя зоветь, не сдравить бо велми“. Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска, и ста на Смядинѣ въ насадѣ [2]). Въ се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: „не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка“. Се слышавъ Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами. И сице ему молящюся, се внезапу придоша послании отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абье послании яша корабль

[1]) Ожерелье.
[2]) Лодка.

Глѣбовъ, и обнажиша оружье; отроци Глѣбовы уныша; оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба. Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземше везоша й, и положиша й у брата своего Бориса у церкве святаго Василья. И съвкуплена тѣлома, паче же душама, у Въладыкы Всецесаря пребывающа въ радости бесконечнѣй, въ свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа цѣлебныя дары Русьстѣй земли.—Святополкъ же сь оканьный и злый уби Святослава, пославъ ко горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры, и нача помышляти: „яко избью всю братью свою, и прииму власть Русьскую единъ". Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна [1]), а другымъ кунами, и раздая множьство.—Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, Варяги бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ. Вставше Новгородци, избиша Варягы въ дворѣ Парамони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ сѣде въ дворѣ; пославъ къ Новгородцемъ, рече: „уже мнѣ сихъ не крѣсити". И позва къ собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли Варягы, и обльстивъ я исѣче. Въ ту же нощь приде ему вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Передъславы: „си отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику". Се слышавъ, печаленъ бысть о отци, и о братьи и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ [2]) Новгородець, Ярославъ рече: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе". Утерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи: „отець мой умерлъ, а Святополкъ седить Кыевѣ, избивая братью свою". И рѣша Новгородци: „аще [3]), княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти". И събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вой 40,000, и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: „не я почахъ избивати братью, но онъ".

1016. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу объ оба полы [4]). Днѣпра (у Любича), и не смяху на си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ, гла-

---

[1]) Одежда.
[2]) Остатокъ.
[3]) Хотя.
[4]) Обѣ стороны.

голя: „что придосте съ хромьцемъ симь, а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ“. Се слышавше Новгородци, рѣша Ярославу: „яко заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидетъ съ нами, сами потнемъ [1]) его“. Бѣ бо уже въ заморозъ. Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю нощь пилъ бѣ съ дружиною своею; Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И выседше на берегъ, отринуша лодьѣ отъ берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ; бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромь Печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка съ дружиною ко озеру и въступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одалати нача Ярославъ; видѣвъ же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа въ Ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни; и бы тогда Ярославъ лѣтъ 28.

1018. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава съ Ляхы; Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Волыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемь Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: „да то ти прободемъ трѣскою [2]) черево твое толъстое“. Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смысленъ; и рече Болеславъ къ дружинѣ своей: „аще вы сего укора не жаль [3]), азъ единъ погыну“. Всѣдъ на конь, въбреде въ рѣку и по немь вои его; Ярославъ же не утягну [4]) исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4 мужи Новугороду, Болеславъ же вниде въ Кыевъ съ Святополкомъ. И рече Болеславъ: „разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ“, и бысть тако. Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Костянтинъ, сынъ Добрынь, съ Новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: „хощемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь“. Начаша скотъ [5]) събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, и вдаша имъ скотъ,

[1]) Убьемъ.
[2]) Коломъ.
[3]) Не обидно.
[4]) Не успѣлъ.
[5]) Деньги.

и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: „елико же Ляховъ по городомъ, избивайте я́“; и избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже изъ Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью, и людий множьство веде съ собою, и городы Червеньскыя зая собѣ, и приде въ свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыевѣ, и поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы.

1019. Приде Святополкъ съ Печенѣгы въ силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множьство вой, и изыде противу ему на Льто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: „кровь брата моего вопьеть къ Тобѣ, Владыко! мьсти отъ крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; тако положи и на семь“. Помоливъся рекъ: „брата моя! аще еста и тѣломь отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго“. И се ему рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летьское обои отъ множьства вой. Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и ссступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была въ Руси, и за рукы емлюче сечахуся, и ссступашася трижды, яко по удольемъ крови тещи; къ вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и́ на носилѣхъ; принесоша и́ къ Берестью, бѣгающе съ нимь; онъ же глаголаше: „побѣгнѣте со мною, женуть по насъ“. Отроци же его всылаху противу: „еда кто женеть по насъ?“ и не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимь; онъ же во немощи лежа, и въсхопивъся глаголаше: „о, се женуть, побѣгнѣте“. Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой.

1022. Мстиславу [1]), сущю Тмуторокани, поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьский Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: „что ради губивѣ дружину межи собою? но снидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и

[1]) Братъ Ярослава.

жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все". И рече Мьстиславъ: „тако будп". И рече Редедя ко Мьстиславу: „не оружьемь ся бьевѣ, но борьбою". И яста ся бороти крѣпко; и надолзѣ борющемася има нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: „о, Пречистая Богородице! помози ми; аще бо одолѣю сему, съзижю церковь во имя Твое". И се рекъ удари имь о землю, и вынзе ножь, и зарѣза Редедю, и шедъ въ землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на Касогы. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю́, яже стоить и до сего дне Тьмутороканн.

1023. Поиде Мьстиславъ на Ярослава, съ Козары и съ Касогы.

1024. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ изъ Тъмуторокания Кыеву, и не прияша его Кыяне; онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда.—Въ се же лѣто въсташа волъсви въ Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино [1]). Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъимавъ волхвы, расточи, а другыя показни, рекъ сице: „Богъ наводить по грѣхомь на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже".—И възвративъся Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по Варягы; и приде Якунъ съ Варягы, и бѣ Якунъ слѣпъ [2]), и луда [3]) бѣ у него золотомь истъкана. И приде къ Ярославу; и иде Ярославъ съ Якуномь на Мьстислава, Мьстиславъ же слышавъ взиде противу има къ Листвену. Мьстиславъ же съ вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, мо-

---

[1]) Урожай.

[2]) Соловьевъ видитъ въ словѣ „слѣпъ" простой переводъ скандинавскаго Hakon, Hakun, Haagen-одноглазый. „Ибо странно было-бы въ самомъ дѣлѣ видѣть слѣпого въ вождѣ варяжской дружины".—Нѣкоторые вмѣсто „слѣпъ" читаютъ „съ лѣпъ". (I. 314).

[3]). Верхняя одежда.

лонья, и громъ и дождь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: „поидемъ на ня". И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу ему, и сступися чело Сѣверъ съ Варягы, и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемь наступи Мьстиславъ со дружиною своею и нача сѣщи Варягы, и бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемь есть, побѣже съ Якуномъ, княземь Варяжьскымъ, и Якунъ ту отбѣже луды златыя; Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ заутра [1]), видѣвъ лежаща сѣчены отъ своихъ Сѣверъ и Варягы Ярославлѣ, и рече: „кто сему не радъ? се лежить Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла". И посла Мьстиславъ по Ярослава, глаголя: „сяди на своемъ столѣ Кыевѣ, ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона"; и не смяше Ярославъ ити въ Кыевъ, дондеже смиристася.

1026. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи миръ съ братомъ своимъ Мьстиславомь у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпрь Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону; и начаста жити мирно и въ братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика въ земли.

1036. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре; и положиша й въ церкви у святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ, бѣ бо въздано ея при немь възвыше, яко на кони стояще рукою досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь, черменъ [2]) лицемъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоять Кыевъ; Ярославъ събра вои многы, Варягы и Словѣни, приде Кыеву, и вниде въ городъ свой. И бѣ Печенѣгъ безъ числа. Ярославъ выступи изъ града, и исполчи дружину, и постави Варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмь крилѣ Новгородци; и сташа предъ градомь. Печенѣзи приступати почаша, и

[1]) На разсвѣтѣ.

[2]) Румянъ.

сступишася на мѣстѣ, идеже стоить нынѣ святая Соѳья, митрополья Русьская; бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ къ вечеру Ярославъ. И побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, и овии бѣгающе тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне [1]).

1037. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ [2]), у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Соѳья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодитися и расширятися, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же [3]) черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая я́ часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, ими же поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго. Яко же бо се нѣкто землю разореть [4]), другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну, тако и сь: отець бо его Володимеръ землю взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное. Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости: книгамъ бо есть неищетная глубина, сами бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью.

1043. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вои многы, а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневи. И поиде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя въ корабль Иванъ Творимиричь, воевода Ярославль. Прочии же вои Володимери

---

[1]) Остатокъ пропалъ безслѣдно.
[2]) Крѣпость (кремль).
[3]) Особенно же.
[4]) Отъ глагола „орати“.

выверженi быша на брегъ, числомь 6000, и хотящемъ поити въ Русь, не идяше съ ними никто же отъ дружины княжее. И рѐче Вышата: „азъ пойду съ ними“; и высѣде изъ корабля къ нимъ, и рече: „аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною“. И поидоша, хотяще въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемь Мономахъ, по Руси олядий 14; Володимеръ же видѣвъ съ дружиною, яко идуть по немь, въспятивъся изби оляди Гречьскыя, и възвратися въ Русь, всѣдъше въ кораблѣ своѣ. Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша ѧ҆ Цесарюграду, и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу. Въ си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.

1044. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша ѧ҆ въ церкви святыя Богородица. Въ се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, егоже роди мати отъ вълхвованья; матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: „се язвено навяжи на нь, да носить ѐ до живота своего“, [1]) еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье.

1045. Заложи Володимеръ (Ярославичъ) святую Соѳью Новѣгородѣ.

1051. Постави Ярославъ Лариона митрополитомь Руси, въ святѣй Соѳьи, собравъ епископы. И се да скажемъ чего ради прозвася Печерьскый манастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящю Берестовое, и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, въ нихже бѣ презвутеръ, именемъ Ларионъ, мужь благъ, книженъ и постникъ; и хожаше съ Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, и ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя съ Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посемь же Богъ князю вложи въ сердце,

---

[1]) Эту болячку (струпъ) навяжи на него, и пусть онъ носитъ ее до смерти.

и постави й митрополитомь въ святѣй Софьи, а си печерка тако оста. И не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкый человѣкъ отъ града Любча; и възложи сему Богъ въ сердце въ страны ити [1]); онъ же устремися въ Святую Гору [2]), и видѣ ту монастыря сущая, и обиходивъ, възлюбивъ чернечьскый образъ, приде въ манастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже й, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ чернечьскому образу, и рече ему: „иди въ Русь опять, и буди благословленье отъ Святыя горы, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть"; благослови й, и отпусти его, рекъ ему: „иди съ миромь". Антоний же приде Кыеву и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по манастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю; и поча ходити по дебремъ и по горамъ, ища кдѣ бы ему Богъ показалъ; и приде на холмъ, идѣже бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися въ не, и нача молитися Богу со слезами, глаголя: „Господи! утверди мя въ мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ". И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то пересъ день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и нощь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣнии и въ молитвахъ. Посемь же увѣдѣша добрии человѣци, и приходяху къ нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ, и прослу якоже великый Антоний: приходяще къ нему прошаху у него благословенья. Посемь же преставльшюся великому князю Ярославу, прия власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Кыевѣ. Антоний же прославленъ бысть въ Русьскѣй земли; Изяславъ же увѣдѣвъ житье его, приде съ дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великый Антоний и чтимъ, и начаша приходити къ нему братья, и нача приимати и постригати я́; и собрася братьи къ нему числомь 12 и ископаша печеру велику, и церковь, и кѣльи, яже суть и до сего дне въ печерѣ подъ ветхымь манастыремь. Совъкупленѣ же братьи, рече имъ Антоний: „се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имьже мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди

[1]) Странствовать.
[2]) Аѳонъ.

благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы"; и се рекъ имъ: „живѣте же особѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся жити". И постави имъ игуменомь Варлама, а самъ иде въ гору, и ископа печеру, яже есть подъ новымъ манастыремъ, въ ней же скончa животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ печеры лѣтъ 40 никудаже, въ нейже лежать мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомь живяху въ печерѣ, и умножившимся братьи въ печерѣ и не имущимъ ся вмѣстити, и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь; и приде игуменъ и братья ко Антонию, и рекоша ему: „отче! умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити въ печеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ печеры", и повелѣ имъ Антоний. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя Святыя Богородица Успенье. И нача Богъ умножати черноризцѣ молитвами святыя Богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомь поставити манастырь; и идоша братья ко Антонью, и рѣша: „отче! братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити манастырь". Антоний же радъ бывъ, рече: „благословенъ Богъ о всемь, и молитва святыя Богородица и сущихъ отець иже въ Святѣй Горѣ да будеть съ вами". И се рекъ, посла единого отъ братьѣ ко Изяславу князю, река тако: „княже мой! се Богъ умножаеть братью, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору, яже есть надъ печерою"; Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой, и вда имъ гору ту. Игуменъ же и братья заложиша церковь велику, и манастырь огородиша столпеемь, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почася Печерскый манастырь, имьже бѣша жили черньци преже въ печерѣ, а отъ того прозвася Печерскый манастырь; есть же манастырь Печерскый отъ благословенья Святыя Горы пошелъ. Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрию, хотя створити вышний сего манастыря, надѣяся богатьству. Мнози бо манастыри отъ цесарь, и отъ бояръ, и отъ богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами пощеньемь, молитвою, бдѣньемь; Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемь. Варламу же шедъшю къ

святому Дмитрию, совѣтъ створше братья, идоша къ старцю Антонью и рекоша: „постави намъ игумена". Онъ же рече имъ: „кого хощете?" Они же рѣша: „кого хощеть Богъ и ты". И рече имъ: „кто болий въ васъ, якоже Федосий, послушьливый, кроткый, смѣреный; да сь будеть вамъ игуменъ". Братьи же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Θеодосья игуменомъ братьѣ числомь 20. Феодосиеви же приемшю манастырь, поча имѣти въздержанье, и велико пощенье, и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомь 100. И нача искати правила черничьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернець манастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомь Георгиемь, и нача у него искати устава чернець Студийскыхъ; и обрѣтъ у него и списа, и устави въ манастыри своемь. Θеодосиеви же живущю въ манастыри, и правящю добродѣтелное житье и черничьское правило, и приимающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерьский. А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ.

1052. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль.

1053. У Всеволода (сына Ярослава) родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ [1]), отъ царицѣ Грькынѣ.

1054. Преставися великый князь Русьский Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: „се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ и которающеся [2]), то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомь своимь великымъ; но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, яко же послушасте мене, да той вы будеть въ мене мѣсто; а Святославу даю Черни-

[1]) Владиміръ Мономахъ.
[2]) Ссорясь.

говъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь [1]), а Вячеславу Смолинескъ. И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: „аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, егоже обидять"; и тако уряди сыны своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемь паче всея братьи, егоже имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою Богу, въ суботу 1 поста святаго Өеодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша й Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни, плакашася по немь людье; и принесше положиша й въ рацѣ мороморянѣ въ церкви святыя Соөьѣ. Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6.

Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ Смолиньскѣ. Въ се же лѣто иде Всеволодъ на Торкы и побѣди Торкы. Въ семь же лѣтѣ приходи Болушь съ Половьци и створи Всеволодъ миръ съ ними, и возвратишася Половци вспять, откуду же пришли.

1057. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолиньскѣ, и посадиша Игоря Смолиньскѣ, изъ Володимеря выведше.

1060. Преставяся Игорь, сынъ Ярославль. Въ семь же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупиша вои бещислены и поидоша на конихъ и въ лодьяхъ на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгающе Божьимь гнѣвомь гоними, ови отъ зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ.

1061. Придоша Половци первое на Русьскую землю воеватъ, Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца өевраля во 2 день; и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ.

1064. Бѣжа Ростиславъ (сынъ Владиміра Ярославича) Тмутороканю, и съ нимъ бѣжа Порей и Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новгородьского; и пришедъ выгна Глѣба (Святославича) изъ Тмуторокана, а самъ сѣде въ него мѣсто.

[1]) Владиміръ Волынскій.

1065. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмуторокаӎю; Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявъся его, но не хотя противу стрыеви [1]) своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмуторканю, посади сына своего пакы Глѣба, и възвратися опять; Ростиславъ же пришедъ, пакы выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. Въ се же лѣто Всеславъ рать почалъ. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю; си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье.

1066. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у Касогъ и у инѣхъ странъ, сего же убоявшеся Грьци, послаша съ лестью котопана [2]); оному же пришедшю къ Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшеть и́ Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: „княже! хочю на тя пити“ [3]); оному же рекшю: „пий“. Онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити, дотиснувъся палцемь въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ [4]) смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сий день умреть Ростиславъ, яко же и бысть; сего же котопана побиша каменьемъ Корсуньстии людье. Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомь же лѣпъ и красенъ [5]) лицемь, и милостивъ убогымъ; и умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

1067. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полоцкий, и зая Новъгородъ; Ярославичи же трие, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша къ Мѣньску, и Мѣняне затворишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ и исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца Марта въ 3 день, и бяше

[1]) Дядя по отцу.
[2]) Чиновникъ.
[3]) За твое здоровье (ср. годъ 945).
[4]) Съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы онъ умеръ въ седьмой день.
[5]) Красивъ.

снѣгъ великъ, и поидоша противу собѣ; и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; Всеславъ же бѣжа. Посемь же, мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣловаша крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: „приди къ намъ, яко не створимъ ти зла"; онъ же надѣявъся цѣлованью креста, переѣха въ лодьи чересъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади и́ въ порубъ съ двѣма сынома.

1068. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половци многи; Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Русьскыи князи, и побѣдиша Половьци. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: „се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними". Изяславъ же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: „поидемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба". И раздѣлишася надвое, половина ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ. Стояще долѣ [1]), князю же изъ оконця зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, братъ Чюдинъ, Изяславу: „видиши, княже, людье възвыли; посли, ать Всеслава блюдуть". И се ему глаголющю, другая половина людий приде отъ погреба, отворивше погребъ; и рекоша дружина князю: „се зло есть; посли ко Всеславу, атъ призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемь". И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша къ порубу Всеславлю; Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба и поставиша и́ средѣ двора къняжа; дворъ же княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяславъ же бѣжа въ

---

[1]) Внизу.

Ляхы. Посемь же Половцемъ воюющимъ по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и Половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣколико, изыде на ня ко Сновьску. И узрѣша Половци идущь полкъ, пристроишася противу; и видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: „потягнѣмъ, уже намъ не лзѣ камо ся дѣти". И удариша въ конѣ и одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половець бѣ 12 тысячь. Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ и я й [1]).

1069. Поиде Изяславъ съ Болеславомь на Всеслава, Всеславъ же поиде противу; и приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся Кыянъ бѣжа изъ Бѣлагорода Полотьску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Лядьскую землю, а поидѣта въ градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю". И рече имъ Святославъ: „вѣ [2]) послевѣ къ брату своему; аще поидеть на вы съ Ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хощеть съ миромь, то въ малѣ придеть дружинѣ". И утѣшиста Кыяны. Святославъ же и Всеволодъ посласта къ Изяславу, глаголюща: „Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола". То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы и поиде съ Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же предъ собою сына своего Мьстислава Кыеву. И пришедъ Мьстиславъ, исѣче Кыяны, иже бѣша высѣкли Всеслава изъ поруба, числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу съ поклономъ, и прияша князь свой Кыяне, и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ. И распуща Ляхы на покормъ, и избиваху Ляхы отай; и възвратися въ Ляхы Болеславъ, въ землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору, и прогна Всеслава изъ Полотьска, посади сына своего Мьстислава

[1]) И захватилъ его (Всеслава).
[2]) Дв. число перваго лица.

Полотьскѣ; онъ же вскорѣ умре ту, и посади въ его мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

1071. Воеваша Половци у Ростовьця и у Неятина. Въ се же лѣто выгна Всеславъ Святополка изъ Полостьска. Въ се же лѣто побѣди Ярополкъ (сынъ Изяслава) Всеслава у Голотичьска. Въ си же времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше, сице повѣдая людемъ: яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; егоже невѣгласи послушаху, вѣрнии же смѣяхуться, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ". Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подътокше на зло вводять, посемъ же насмисаются, ввергъше й въ пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, въстаста два вълъхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣвѣ [1]), кто обилье держить"; и поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча въ погостъ, туже нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ у нею людий инѣхъ 300. Вѣ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ; и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смерда [2]), и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя". Они же сего не послушаша. Янъ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: „не ходи безъ оружья, осоромять тя"; онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимь, и поиде къ нимъ къ лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу; Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще

---

[1]) Мы знаемъ.

[2]) Смердъ—поселянинъ и горожанинъ низшаго сословія.

ему: „вида идеши на смерть, не ходи"; оному же повелѣвшю бити я́, ко прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися [1]) Яня топоромъ, Янь же оборотя топоръ, удари и́ тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я́; они же бѣжаша въ лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто". Бѣлозерци же шедше яша я́, и приведоша я́ къ Яневи. И рече има: „что ради погубиста толико человѣкъ?" Онѣма же рекшема: „яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то предъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что". Янь же рече: „по истинѣ лжа то; створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, сставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть въ немь ничтоже, и не вѣсть никтоже, но токъмо единъ Богъ вѣсть". Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ". Онъ же рече: „како"? Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся вѣтхемъ [2]), и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона съ Богомь, кому въ немь створити человѣка, и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю во нь вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу". Рече имъ Янь: „поистинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруета?" Она же рекоста: „антихресту". Онъ же рече има: „то кдѣ есть?" Она же рекоста: „сѣдить въ безднѣ". Рече има Янь: „какый то Богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдяй на престолѣ". Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдають, не можеши нама створити ничтоже". Онъ же рече има: „лжють вама бози". Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомь, а ты не можеши створити ничтоже". Янь же повелѣ бити я́ и поторгати брадѣ ею́. Сима же тепенома и брадѣ ею́ поторганѣ проскѣпомъ [3]), рече има Янь: „что вама бози молвять?" Онѣма же рекшема: „стати намъ предъ Святославомъ". И повелѣ Янь вложити рубль [4]) въ уста има и привязати я́ къ упругу [5]), и пусти предъ собою въ лодьѣ, и самъ

---

[1]) Промахнулся.
[2]) Тряпка.
[3]) Когда ихъ били и вырывали бороду клещами.
[4]) Обрубокъ дерева.
[5]) Мачта.

по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: „что вамъ бози молвять?“ Она же рѣста: „сице нама бози молвять: „не быти нама живымъ отъ тобе“. И рече има Янь: „то ти вама право повѣдали“. Она же рекоста: „но аще на [1]) пустиши, много ти добра будеть; аще ли на погубищи, многу печаль примеши и зло“. Онъ же рече има: „аще ваю пущю, то зло ми будеть отъ Бога“. И рече Янь повозникомъ: „ци кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сею?“ Они же рѣша: „мнѣ мати, другому сестра, иному роженье“. Онъ же рече имъ: „мьстите своихъ“. Они же поимше, убиша я̀ и повѣсиша я́ на дубѣ. Яневи же идущю домови, въ другую нощь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею́ и снѣсть; и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскымъ.—Бѣси не свѣдають ничтоже, суть бо немощни и худи взоромь [2]). Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. Въ си бо времена приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцепѣвъ, и шибе имь бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: „бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, егоже боятся“. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое; онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же метавше имь, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемь же поча прашати его [3]): „чесо ради боятся его, егоже носимъ на собѣ креста?“ Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, егоже наши бози боятся“. Онъ же рече: „то каци суть бози ваши, кде живуть?“ Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть; аще кто умреть отъ вашихъ людий, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умреть, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну“. Сиця есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмже прелщають человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ, несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвують наущениемъ бѣсовьскымъ.

---

[1]) Винит. пад. 1-го лица дв. числа.

[2]) На видъ.

[3]) Новгородецъ сталъ спрашивать кудесника.

Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бывають; но и мужи прельщени бывають отъ бѣсовъ невѣрнии. Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ (Святославичѣ) Новѣгородѣ, глаголеть бо людемъ, творяся акы Богъ, и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко провѣде вся, и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: „яко перейду по Волхову предъ всѣми". И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же земъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: „иже хощеть вѣру яту волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть". И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а́ людье вси идоша за вохва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ скутомъ [1]), приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера"? Онъ же рече: „провѣде вся" [2]). И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что ти хощеть быти днесь?" „Чюдеса велика створю", рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя и́, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломь и душею, предавъся дьяволу.

1072. Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ, иже тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, Өеодосий же игуменъ Печерьскый, Соөроний святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ, празднова̀ша свѣтло, и преложиша я́ въ новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и нынѣ. И вземше первое Бориса въ древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, вземше на рама своя понесоша, предъидущемъ черноризцемъ, свеща держаще въ рукахъ, и по нихъ дьякони съ кадилы, и посемь презвитери, и по нихъ епископи съ митрополитомъ; по сихъ съ ракою идяху. И принесше въ новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою къ нима, и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложише и́ въ раку камену. Посемь же вземше Глѣба въ рацѣ каменѣ, вставиша на

[1]) Подъ полою.
[2]) Предвижу все.

сани, и емше за ужа везоша и҆; яко быша въ дверехъ, ста рака и не иде. И повелѣша народу възвати: „Господи помилуй“, и повезоша и҆; и положиша я҆, мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургию, обѣдаша братья на скупь, кождо съ бояры своими, съ любовью великою. Посемь же разидошася всвояси.

1073. Въздвиже дьяволъ котору [1]) въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, поиде Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изиде Изяславъ изъ Кыева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста въ Кыевъ и сѣдоста на столѣ на Берестовомь, преступивша заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, желая большее власти, Всеволода бо прелсти, глаголя: „яко Изяславъ сватится со Всеславомь, мысля на наю; да аще его не варивѣ, [2]) имать на прогнати; и тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяславъ же иде въ Ляхы со имѣньемъ многымъ, глаголя: „яко симь налѣзу вои“. Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью.

1074. Өеодосий, игуменъ Печерьскый, преставися. Скажемъ же о успеньи его мало. Өеодосий бо обычай имяше, приходящю постному времени, въ недѣлю Масленую, вечеръ, по обычаю цѣловавъ братью всю, поучати ихъ, како проводити постное время. И сице поучивъ братью, цѣлова въся по имени, и тако изидяше изъ монастыря, взимая мало коврижекъ, и вшедъ въ печеру, и затворяше двери печерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никому же; аще ли будяше нужьное орудье, то оконцемъ маломъ бесѣдоваше въ суботу ли въ недѣлю, [3]) а во ины дни пребываше въ постѣ и въ молитвахъ, вздержася крѣпко. И приходящю въ манастырь въ пятокъ на канунъ Лазаревъ; въ сей бо день кончается постъ 40 дний. Өеодосьеви же пришедшю по обычаю братью цѣлова, и празднова съ ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Вскресенья, впаде въ болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю дний 5, посемь бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же вземше и҆ на сани, поставиша и҆ прямо церкви; онъ же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше

---

[1]) Распря.

[2]) Если не предваримъ.

[3]) Т. е. воскресенье.

въ било, и собрашася вси. Онъ же рече имъ: „братья моя, и отци мои, и чада моя! се азъ отхожю отъ васъ, якоже яви ми Господь въ постное время, въ печерѣ сущю ми, изити отъ свѣта сего; вы же кого хощете игуменомъ имѣти собѣ, да и азъ благословленье падалъ быхъ ему"? Они же рекоша ему: „ты еси намъ всѣмь отець, да егоже изволиши самъ, то намъ буди отець и игуменъ, и пуслушаемъ его, яко и тобе". Отець же нашь Ѳеодосий рече: „шедше кромѣ мене нарьцѣте, егоже хощете, отъ старѣйшихъ и до меншихъ". Ониже послушавше его, отступиша мало къ церкви, и сдумавше послаша брата два, глаголюще сице: „егоже изволить Богъ и твоя честная молитва, егоже тобѣ любо, того нарци". Ѳеодосий же рече имъ: „да аще отъ мене хощете игумена прияти, то азъ створю вамъ не по своему изволенью, но по Божью строенью"; и нарече имъ Иякова презвитера. Братьи же нелюбо бысть, глаголюще: „яко не здѣ есть постриженъ"; бѣ бо Ияковъ пришелъ съ Летьца съ братомъ своимъ Пауломъ. И начаша братья просити Стефана деместника, [1]) суща тогда ученика Ѳеодосьева, глаголюще: „яко сь взрослъ есть подъ рукою твоею, и у тобе послужилъ есть; сего ны вдай". Рече же имъ Ѳеодосий: „се азъ по Божью повелѣнью нареклъ быхъ Иякова; се же вы свою волю створити хощете." И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана. И посемь вземше и́ братья, несоша въ кѣлью и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде къ нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема има у него, рече ему Феодосий: „се отхожю свѣта сего, и се предаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть кое смятенье въ немь; и се поручаю игуменьство Стефану, не дай его въ обиду." Князь же цѣловавъ его и обѣщася пещися манастыремъ, и иде отъ него. Семому же дни пришедшю, призва Стеѳана и братью, уже изнемагающю. И пресѣдящи братьѣ нощь ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2-ю суботу по Пасцѣ, въ часъ 2 дне, предасть душю въ руцѣ Божии, мѣсяца мая въ 3 день. Бѣ же Феодосий заповѣдалъ положити ся въ печерѣ, идѣже показа труды многы.

1075. Придоша сли изъ Нѣмець къ Святославу. Святославъ же величаяся, показа имъ богатьство свое; они же видѣвше бещис-

[1]) Пѣвчаго.

леное множьство злата, и сребра и паволокы, и рѣша: „се ни въ что же есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье [1]) луче, мужи бо ся доищють и болше сего". Сице ся похвали Иезекий, цесарь Июдѣйскъ, къ посломъ цесаря Асурийска, егоже вся взята быша въ Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье расыпася разно.

1076. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, Ляхомъ въ помочь на Чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, отъ рѣзанья желве [1]), и положенъ въ Черниговѣ у святаго Спаса; и сѣде по немь Всеволодъ на столѣ, мѣсяца генваря.

1077. Поиде Изяславъ съ Ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ (Вячеславичъ) Черниговѣ, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутороканю къ Романови. Всеволодъ же иде противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ; Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

1078. Бѣжа Олегъ Тмутороканю отъ Всеволода. Въ се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочии; бѣ же Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Сѣдящю Святополку, сыну Изяславлю, въ него мѣсто Новѣгородѣ, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ, и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьянску, еяже крове взищеть Богъ, отъ руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленыя душа хрестьяньскы. Всеволодъ же приде къ брату воему Изяславу Киеву, цѣловавшася и сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: „брате! не тужи; видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? и пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъваю, брату своею? не блудилъ ли

[1]) Воины.
[2]) Желвакъ.

бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ, не створихъ зла ничтоже? И нынѣ, брате, не тужи: аще будеть нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложю главу свою за тя". И се рекъ, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои отъ мала до велика; и поиде Изяславъ съ Ярополъкомъ, сыномъ своимъ, и Всеволодъ съ Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша къ Чернигову, и Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, и отя [1]) врата, и взяша градъ околний, и пожгоша й, людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній [2]) градъ· Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идеть Олегъ и Борисъ, поидоста отъ града противу. Рече же Олегъ къ Борисови: „не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четыремъ княземъ; но посливѣ съ молбою къ стрыема своима" И рече ему Борисъ: „ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ"; [3]) похваливъся велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла; первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми; Изяславу же стоящю въ пѣшцихъ, и внезапу приѣхавъ единъ, удари й копьемъ за плече; тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. Продолжени бывъши сѣчи, побѣже Олегъ въ малѣ дружинѣ, и одва утече, бѣжа Тмуторокаrю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октямря въ 3 день; и вземше тѣло его, привезоша й въ лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша й, съ пѣснми попове и черноризци понесоша й въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи и велицѣ вопли, плакася бо по немъ весь градъ Киевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: „отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семь [4]), многы напасти приимъ отъ людий и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою". Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ

[1]) Отбилъ.
[2]) Внутренній городъ, кремль.
[3]) Ты только смотри: я пойду на всѣхъ на нихъ.
[4]) Много ли ты пожилъ безъ печали.

нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду; не бѣ бо въ немь лсти, но простъ мужь умомъ, не воздая зла за зло. Колико бо ему створиша Кияне: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не възда противу тому зла; аще ли кто дѣеть [1]) вы: Кыянъ исѣче, то не сь то створи, но сынъ его. Пакы же брата его прогнаста й, и ходи въ чюжей земли, блудя; и сѣдящю ему пакы на столѣ своемь, Всеволоду пришедшю побѣжену къ нему, не рече ему: „колико отъ васъ прияхъ?“ не вдасть зла за зло, но утѣши рекъ: „елмаже ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя“, еже и бысть; не рече бо ему: „колико зла створиста мнѣ, и се нонѣ тобѣ ся сключи“, не рече: „се кромѣ мене“; но на ся перея печаль братню, показая любовь велику, свершая Апостола глаголюща: утѣшайте печалныя. По истинѣ, аще что створилъ есть въ свѣтѣ семь, етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду.—Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, приимъ власть Русьскую всю; и посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ.

1079. Приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ съ Половци; и възвратися Романъ съ Половци въспять, и убиша й Половци. Суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля; а Олга емше Козаре поточиша й за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

1083. Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и сѣде Тмуторокани, и исѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого.

1086. Приде Ярополкъ (Святославичъ) изъ Ляховъ, и створи миръ съ Володимеромь, и иде Володимеръ вспять Чернигову. Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдевъ мало дний, иде Звенигороду; и не дошедшю ему града, и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадьця, отъ дьяволя наученья и отъ злыхъ

[1]) Скажетъ вамъ.

человѣкъ. Лежащю ему ту на возѣ, саблею съ коня прободе и́ мѣсяца ноямбря въ 22 день; и тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великымъ гласомь: „охъ, тотъ мя враже улови". Бѣжа Нерадець треклятый Перемышлю къ Рюрикови (Ростиславичу).

1091. Игуменъ и черноризци съвѣтъ створше, рѣша: „не добро есть лежати отцю нашему Ѳеодосьеви кромѣ манастыря и церкве своея, понеже той есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ"; совѣтъ створше, повелѣша устроити мѣсто, идѣже положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ, повелѣ игуменъ рушити, кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Ѳеодосья, егоже повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидець, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: „поидевѣ въ печеру къ Ѳеодосьеви"; азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никому же, разглядавша, кьдѣ копати, и знаменавша мѣсто. Рече же ко мнѣ игуменъ: „не мози повѣдати никому же; но поими, егоже хощеши, да ти поможеть". Азъ же пристроихъ рогалие, ими же копати. И въ вторникъ, вечеръ, пояхъ съ собою 2 брата, не ведущю никому же, придохъ въ печеру, и отпѣвъ псалмы, почахъ копати; и утрудився вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуще ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же веземъ рогалью, начахъ копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: „удариша въ било"; и азъ въ то чинъ прокопахъ на мощѣ Ѳеодосьевы, оному глаголющю ко мнѣ: „удариша въ било"; мнѣ же рекущю: „прокопахъ уже". Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начахъ звати: Господи помилуй! Егда же прокопахъ, послахъ къ игумену: „приди да вымемъ и́"; игуменъ же приде съ двѣма братома; и прокопавъ велми, и влѣзохомъ и видѣхомъ і́ лежащь мощьми, но состави не распалися бѣша, и власи главнии притяскли [1]) бяху. И взложьше и́ на вариманътью, вынесоша предъ пещеру. На другый же день собрашася епископи, игумени отъ всѣхъ манастыревъ съ черноризци, придоша и людье благо-

[1]) Прилипли.

вѣрнии, и взяша мощѣ Ѳеодосьевы, и положиша ї въ церкви своей, въ притворѣ на деснѣй странѣ.

Въ се же лѣто бысть знаменье въ солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маия 21 день. Въ се же лѣто Всеволоду ловы дѣящю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змий отъ небесе, и ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

1092. Предивно бысть Полотьскѣ, въ мечтѣ [1]) бываше въ нощи тутънъ, [2]) стонаша по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемь же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя; тѣмь и человѣци глаголаху: яко навье [3]) бьють Полочаны. Въ си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. Въ се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове [4]) възгораху сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстомь; и рать велика бяше ото Половець и отвсюду.

1093. Преставися великый князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимерь. Сий бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, вьдая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, и подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьяньства и отъ похоти, тѣмь любимъ бѣ отцемь своимь, яко же глаголати отцю къ нему: „сыну мой, благо тобѣ, яко слышю о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ приняти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемь, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее“. Се же сбысться глаголъ отца его. Разболѣвшюся ему велми, посла по

[1]) Казалось.
[2]) Шумъ, гулъ.
[3]) Мертвецы.
[4]) Множ. число отъ слова боръ (лѣсъ).

сына своего Володимера Чернигову; пришедшю Володимеру, видѣвъ и̓ велми болна суща, и плакася; пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меншему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко и приложися ко отцемъ своимъ, княживъ лѣтъ 15 Кыевѣ, а въ Переяславли лѣто, а въ Черниговѣ лѣто. Володимеръ же плакавъся съ Ростиславомъ, братомъ своимъ, спрятаста тѣло его; и вземше тѣло его положиша и̓ въ святѣй Соѳьи. Володимеръ нача размышляти, река: „аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ". И размысливъ посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И приде Святополкъ Кыеву, и изидоша противу ему Кияне съ поклономъ, и прияша и̓ съ радостью, и сѣде на столѣ отца своего и стрыя своего. Въ се же время поидоша Половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здумавъ съ болшею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ створи съ пришедшими съ нимь, и изъимавъ слы, всажа я̓ въ истобъку; слышавъ же се Половци, почаша воевати. И придоша Половци мнози, и оступиша Торцийскый градъ. Святополкъ же пусти слы Половецьскыѣ, хотя мира, и не всхотѣша Половци мира, и ступиша Половци воююще. Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на ня. И рѣша ему мужи смыслении: „не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой." Онъ же рече: „имѣю отрокъ своихъ 700, иже могуть противу имъ стати." Начаша же друзии несмыслении глаголати: „поиде, княже;" смыслении же глаголаху: „аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячь, не лихо ти есть [1]); наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь; [2]) но послися къ брату своему Володимеру, да бы ти помоглъ". Святополкъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, да бы помоглъ ему; Володимеръ же собра вои свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшю Киеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы, и уладившася цѣловаста крестъ межи собою. Половцемъ воюющимъ по земли, и рѣша има мужи

---

[1]) Не много было бы.

[2]) Поборы.

смыслении: „почто вы распря имата межи собою? а погании губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганымъ любо съ миромъ, любо съ ратью". Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати; и поиде Святополкъ, и Володимеръ и Ростиславъ къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на совѣтъ, хотяче поступити чересъ рѣку, и начаша думати. И глаголаше Володимеръ: „яко сдѣ стояще, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними;" и пристояху совѣту сему смыслении мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотѣша совѣта сего, но рекоша: „хощемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки." И възлюбиша съвѣтъ сь, и преидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводнилася вельми тогда. Половци же налегоша первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Потомь наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже Володимеръ съ Ростиславомъ. И прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ, и нача утапати Ростиславъ предъ очима Володимерима, и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же пребредъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его ту падоша, и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, и иде Чернигову, печаленъ зѣло. Святополкъ же вбѣже въ Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Киеву. Половци же видѣвше, одолѣвше, пустишася по земли воююче, а друзии възвратишася къ Торцьскому. Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья Господа нашего Ісуса Христа. Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ; и вземше принесоша й Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради. Се бо на ны Богъ попусти поганыя, не яко милуя ихъ, но насъ казня, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ; симь казнить ны нахожениемь поганыхъ-се бо есть батогъ его, да негли втягнувшеся вспомянемъся отъ злаго пути своего. Половци воеваша много, и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомь, и предашася ратнымъ; Половци же, приимше градъ, запалиша й огнемь, и люди раздѣлиша, и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ, мъного роду хрестьянску страждущю. Пе-

чални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвше лици, почернѣвши тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ другу глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“, и другий: „а язъ сея вьси“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздыхающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная. Да никто же дерзнеть рещи: яко ненавидими Богомь есмы! Да не будеть! Кого бо Богъ тако любить, якоже ны взлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и вознеслъ? Никого же. Тѣмь же паче ярость свою воздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше, горѣе всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы.

1094. Створи миръ Святополкъ съ Половци, и поя собѣ жену, дщерь Тугорканю, князя Половецкаго. Томъ же лѣтѣ приде Олегъ съ Половци изъ Тъмутороканя, и приде Чернигову; Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и манастырѣ пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде йзъ града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не възбраняющю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую, егоже грѣха дабы и̓ Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землямъ. Въ се же лѣто придоша прузи [1]) на Русьскую землю, и поѣдоша всяку траву и многа жита; и не бѣ сего слышано въ днехъ первыхъ въ земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша.

1096. Приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю и ста около града, а Переяславьци затворишася въ градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сей сторонѣ Днѣпра, и придоста къ Зарубу, и ту перебродистася, и не почюша ихъ Половци, Богу схранишю ихъ, и исполчившася поидоста къ граду; гражане же узрѣвше, ради быша и поидоша къ нима, а Половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоста въ Трубежь къ Половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но удариша

[1]) Саранча.

въ конѣ къ противнымъ; се же видѣвше Половци побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратныхъ, сѣкуще противьныя; и князя ихъ убиша Тугоркана и сына его и ини князи; мнози врази ту падоша; на заутрье женалѣзоша Тугоркана мертва, и взя й Святополкъ акы тьстя своего, и привезше й къ Кыеву, погребоша й на Берестовѣмь, межю путемь идущимъ на Берестово и другымь въ манастырь идущимь. И въ 20 того же мѣсяца (иулія) приде Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Кыеву внезапу, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье [1]) около града, и възвратишася на манастырь, и въжгоша Стеѳановъ манастырь. И придоша на манастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два предъ враты манастырьскыми, намъ же бѣжащимъ задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати [2]). Безбожныя же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю, и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху въ кельи; посемь въжгоша домъ святыя Владычицѣ нашея Богородица. (Лѣтописецъ ведетъ родъ Половцевъ отъ Измаила. „У Измаила, говоритъ онъ, было 12 сыновей: отъ нихъ произошли Туркмены, Печенѣги, Торки, Половцы и тѣ 8 колѣнъ нечистыхъ человѣковъ, которыхъ Александръ Македонскій заклепалъ въ горѣ и которые выйдутъ оттуда при кончинѣ вѣка“. По этому поводу онъ вспоминаетъ:) Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичь Новгородець, глаголя сице: „яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, а оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сосѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: „дивьно мы находихомъ чюдо, егоже нѣсмы слышали преже сихъ лѣть, се же третьее лѣто поча быти; суть горы заидуче въ луку моря, имже высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо, и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто

[1]) Мѣсто за городской стѣной.
[2]) Хоры.

дасть имъ ножъ ли, ли секиру, и они дають скорою противу". Мнѣ же рекшю къ Гюрятѣ; „си суть людье заклепении Александромъ, Македоньскымъ царемь, — яко же сказаеть о нихъ Мефодий Патарийский".

1097. Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: „почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдемъ Руськыѣ земли, кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю отчину, Володимеръ Всеволожью, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду (Игоревичу) Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теребовль Василкови". И на томъ цѣловаша крестъ: „да аще кто отселѣ на кого будеть, то па того будемъ вси и крестъ честный"; рекоша вси: „да будетъ на нь крестъ честный и вся земля Русьская"; и цѣловавшеся поидоша всвояси. И приде Святополкъ съ Давыдомь (Игоревичемъ) Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей; и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: „яко Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя". Давыдъ же, емъ вѣру лживымъ словесомъ, нача молвити на Василка, глаголя: „кто есть убилъ брата твоего [1]) Ярополка? а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть съ Володимеромъ; да помышляяй о своей головѣ". Святополкъ же смятеся умомъ, еда се право будеть или лжа не вѣдѣ; и рече Святополкъ къ Давыдови: „да аще право глаголеши, Богъ ти буди послухъ [2]); да аще ли завистью молвишь, Богъ будеть за тѣмъ" [3]). Святополкъ же сжалися по братѣ своемъ, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть; и я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василкѣ; а Василко сего не вѣдяше, ни Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: „аще не имевѣ Василка,

---

[1]) См. 1086 годъ.

[2] Свидѣтель.

[3]) Т. е. за Василькомъ.

то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ въ Володимери"; и послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу въ манастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшю, приде въ товаръ свой. И наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: „не ходи отъ именинъ моихъ" [1]). Василко же отпрѣся, река: „не могу ждати; еда будеть рать дома". И присла къ нему Давыдъ: „не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго"; и не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: „видиши ли, не помнить тебе, ходя въ твоею руку; аще ти отъидеть въ свою волость, самъ узриши, аще ти не займеть градъ твоихъ Турова, и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешь мене; но призвавъ нынѣ й, емъ и дажь ми". И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: „да аще не хощеши ждати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ". Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и отрокъ его, и повѣда ему глаголя: „не ходи, княже, хотять тя яти". И не послуша его, помышляя: „како мя хотять яти? оногды цѣловали крестъ рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и ми вси". И помысливъ си прекрестися, рекъ: „воля Господня да будеть". И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ; и вылѣзе притиву его Святополкъ, и идоша въ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша, и нача глаголати Святополкъ: „останися на святокъ". И рече Василко: „не могу остати, брате; уже есмь повелѣлъ товаромъ поити переди". Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: „да заутрокай, брате!" и обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: „посѣдита вы здѣ, а язъ лѣзу, наряжю". И лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужаслъся и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече „где есть братъ?" Они же рѣша ему: „стоить въ сѣнехъ". И вставъ Давыдъ рече: „азъ иду по нь, а ты, брате, посѣди". И вставъ иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноямьбря, и оковаша й въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутрия же

[1]) Христіанское имя Святополка было Михаилъ (8-го ноября).

Святополкъ созва болярь и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: яко „брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хощеть тя убити и грады твоя заяти“. И рѣша бояре и людье: „тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомь“. И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: „ото Давыдъ“. Увѣдѣвъ же се Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: „аще ли сего не створишь, а пустишь й, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ“. Святополкъ же хотяше пустити й, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша й Бѣлугороду, иже градъ малъ у Киева, яко 10 верстъ въ дале, и привезоша й на колѣхъ, окована суща, ссадиша й съ колъ, и ведоша й въ истобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко Торчина остряща ножь и разумѣ, яко хотять й слѣпити, възпи къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомь, Сновидъ Изечевичь, конюхъ Святополчь, и Дьмитръ, конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотяста й поврещи; и боряшется съ нима крѣпко, и не можаста его поврещи. И се влѣзше друзии повергоша й, и связаша и снемше доску съ печи, и возложиша на перси его; и сѣдоста оба полы Сновидъ и Дмитръ, и не можаста удержати; и приступиста ина два, и сняста другую дску съ печи, и сѣдоста, и удавиша й рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь и хотя ударити въ око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари й въ око, и изя зѣницю, и посемъ въ другое око, и изя другую зеницю; и томъ часѣ бысть яко мертвъ. И вземше й на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша й Володимерю. И бысть везому ему, сташа съ нимъ, перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша съ него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадьи опрати; попадья же опраши взложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: „кдѣ се есмь?“ Они же рекоша ему: „въ Звиждени городѣ“. И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: „чему есте

сняли съ мене? да быхъ въ той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталъ предъ Богомъ". Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по груду[1]) пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь; и придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день, приде же и Давыдъ съ нимъ, акы нѣкакъ уловъ уловивъ[2]); и посадиша й въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ рече: „сего не бывало есть въ Русьскѣй земьли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцѣхъ нашихъ, сякого зла". И ту абье посла къ Давыду и къ Олгови Святославичема, глаголя: „поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи въ Русьскѣй земьли и въ насъ, въ братьи, оже вверженъ въ ны ножь; да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть въ насъ, и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши Половци пришедше возмуть земьлю Русьскую". Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: „яко сего не было въ родѣ нашемь". И ту абье собравша воѣ, придоста къ Володимеру, Володимеру же съ вои стоящю въ бору; Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще къ Святополку: „что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, и вверглъ еси ножь въ ны? чему еси ослѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы й предъ нами, и упрѣвъ бы й, створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се сотворилъ еси". И рече Святополкъ: „яко повѣда ми Давыдъ Игоревичь яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебѣ хощеть убити и заяти волость твою, Туровъ и Пинескъ, и Берестие и Погорину, а заходилъ ротѣ съ Володимеромъ, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери; а неволя ми своее головы блюсти, и не язъ его ослѣпилъ, но Давыдъ, и велъ й къ собѣ". И рѣша мужи Володимери и Давыдови и Олгови: „извѣта о семь не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ й; не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоемь градѣ ятъ и слѣпленъ"; и се имъ глаголющимъ, разидошася разно. Наутрия же хотящимъ чресъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути изъ Кыева, и не

---

[1]) Распутица.

[2]) Какъ бы поймавъ звѣря.

даша ему Кыяне побѣгнути, но послаша Всеволожюю [1]) и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: „молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, юже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую. Всеволожая же и митрополитъ придоста къ Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу Кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ, и брань имѣти съ погаными. Се слышавъ Володимеръ, росплакавъся и рече: „по истинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити“; и преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскый, и не преслуша молбы его. Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и Кыяномъ, яко миръ будеть. И начаша межи собою мужи слати, и умиришася на семь, яко рѣша Святополку: „яко се Давыдова сколота, то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и́“; Святопокъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межи собою, миръ створше. Василькови же сущю Володимери, на прежереченѣмь мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: „се молвилъ Василко си ночи къ Уланови и Колчи, реклъ тако: се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужь свой къ Володимеру воротиться; да се, Василю [2]), шлю тя, иди къ Василкови, тезу своему, съ сима отрокома, и молви ему тако: оже хощеши послати мужь свой и воротится Володимеръ, то вдамъ ти который ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль“. Азъ же идохъ къ Василкови, и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онъ же рече: „сего есмь не молвилъ; но надѣюся на Богъ, пошлю да быша не прольяли мене ради крови; но сему ми дивно, даеть ми городъ свой, а мой Тере-

---

[1]) Вдова Всеволода, мачеха Владиміра.

[2]) Отсюда видно, что составитель этой повѣсти назывался Васильемъ.

бовль, моя волость, пождавше и ныне [1])“. Мнѣ же рече: „иди къ Давыдови и рци ему: пришли ми Кульмѣя, то пошлю къ Володимеру“. И не послуша его Давыдъ, и посла мя пакы река: „нѣту Кулмѣя“. И рече ми Василко: „посѣди мало“, и повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: „се слышю, оже мя хощеть дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть имъ? азъ бо Ляхамъ много зла творихъ, и хотѣлъ есмь мстити Русьскѣй земли. И аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти; но се повѣдаю ти по истинѣ, яко на мя Богъ наведе за мое възвышенье: яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзи и Торци, и рекохъ въ умѣ своемь: оже ми будуть Берендичи, Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядьскую и мьщю Русьскую землю; и посемъ хотѣлъ есмь переяти Болгары Дунайскыѣ и посадити я́ у собе; и посемъ хотѣхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю; ино помышленье въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, и се кленуся Богомь и его пришествиемъ, яко не помыслилъ есмь зла братьи своей ни въ чемже, но за мое възнесенье низложи мя Богъ и смири“. Посемъ же приходящю Велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волость, и усрѣте и́ Володарь, братъ Василковъ, у Бужьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, и затворися въ Бужьскѣ, и Володарь оступи и́ въ городѣ. И нача Володарь молвити: „почто зло створивъ и не каешися его? да уже помянися, колико еси зла створилъ“. Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: „ци я се створилъ? ци ли въ моемъ городѣ? Я ся самъ боялъ, аще быша и мене яли и створили такоже; неволя ми было пристати въ совѣтъ, ходяче въ руку“ [2]). И рече Володарь: „Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти братъ мой, и створю съ тобою миръ“. И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ и́ дасть Володарю, и сътвориста миръ и разидостася. И сѣде Василко Теребовли, а Давыдъ приде

[1]) И до сихъ поръ ждетъ меня.
[2]) Бывши въ чужихъ рукахъ.

Володимерю; и наставши веснѣ, приде Володарь и Василько на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ, и бѣгоша людье огня; и повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людехъ неповинныхъ, и пролья кровь неповинну. Посемъ же придоста къ Володимерю, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступиша градъ. И посласта къ Володимерцемъ, глаголюще: „вѣ не придоховѣ на градъ вашь, ни на васъ, но не врагы своя, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло; да еще хощете за сихъ битися, да се ми готови, а любо выдайте врагы наша". Гражане же се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: „выдай мужи сия, не бьемъся за сихъ, за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о собѣ;" и неволя бысть выдати я́. И рече Давыдъ: „нѣту ихъ здѣ", бѣ бо я́ послалъ Лучьску; онѣмъ же пошедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску. И слышаша людье, яко Турийскѣ суть, кликнуша людье на Давыда, и рекоша: „выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемыся". Давыдъ же пославъ приведе Василя и Лазаря, и дасть я́; и створиша миръ въ недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града. Се же 2-ое мщенье створи, егоже не бяше лѣпо створити, да бы Богъ отместникъ былъ, и взложити быша на Бога мщенье свое. Симъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемше погребоша я́. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестью къ Ляхомъ; се слышавъ Давыдъ, иде въ Ляхы ко Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: „поиди съ нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на снемь [1]), и ту умиримъ тя съ Святополкомъ;" и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святополкъ съ Ляхы, и вдасть дары великы на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: „не послушаеть мене Святополкъ, да иди опять." И приде Давыдъ Володимерю, и Святополкъ съвѣтъ

---

[1]) Сеймъ.

створи съ Ляхы, поиде къ Пиньску, пославъ по воѣ; и приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися въ градѣ, чая помощи въ Лясѣхъ, бѣша бо ему рекли:„ яко аще придуть на тя Русскыѣ князи, то мы ти будемъ помощници;“ и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи градъ, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: „пусти мя изъ града.“ Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста крестъ межи собою, и изиде Давыдъ изъ града, и приде въ Червенъ, а Святополкъ вниде въ градъ въ великую суботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы. Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: „яко се есть волость отца моего и брата;“ и поиде на ня. Се слышавъ Володарь и Василко, поидоста противу, вземша крестъ, егоже бѣ цѣлова къ нима на семъ: „яко на Давыда пришелъ есмь, а съ вама хочю имѣти миръ и любовь.“ И преступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множство вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоимъ, и Василко възвыси крестъ, глаголя: „яко сего еси цѣловалъ, се первѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою; да буди межи нами крестъ сь;“ и поидоша къ собѣ къ боеви, и сступишася полци, и мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Василковы вои възвышься велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю; Володарь же и Василко, побѣдивша, стаста ту, рекуща: „довлѣеть нама на межи своей стати,“ и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимь сына его два, и Ярополчича два, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. (Далѣе слѣдуетъ разсказъ о борьбѣ Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ, при чемъ первому помогали Угры, а второму — Половцы; въ концѣ концовъ Давыдъ овладѣлъ Владиміромъ).

1100. Братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ (Святославичи) въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася и приде къ нимъ Игоревичь Давыдъ, и рече къ нимъ: „на что мя есте привабили? осе есмь; кому до мене обида?“ И отвѣща ему Володимеръ: „ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды; да се

еси пришелъ и сѣдишь съ братьею своею на одиномъ коврѣ: то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?" и не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ; и ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею разно, а Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаша къ Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимеръ Огоростя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина; послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: „се ти молвять братья: не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножь въ ны, егоже не было въ Русскѣй земли; да се мы тебе не имемъ, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемъ: шедъ сяди въ Бужьскѣмь въ острозѣ, а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ." И тогда послаша слы своя къ Володареви и къ Василкови: „поими брата своего Василка къ собѣ, и буди вамъ едина власть Перемышль; да еще вамъ любо, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сдѣ; а холопы наша выдайта и смерды;" и не послуша сего Володарь, ни Василко. А Давыдъ сѣде Бужьскѣмь, и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, въ немже и умре; а Володимерь вда сынови своему Ярославу.

1101. Преставися Всеславъ Полоцкій.

1103. Богъ вложи въ сердце княземъ Рускымъ Святополку и Володимиру, и снястася думати на Добольскѣ; и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ единомь шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча: „яко негодно нынѣ веснѣ ити, хочемъ погубити смерды и ролью ихъ." И рече Володимеръ: „дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, еюже кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ Половчинъ ударить и́ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли?" И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: „се язъ готовъ уже;" и вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: „то ти, брате, велико добро створиши земли Русскѣй." И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: „поидита на Половци, да любо будемъ живи, любо мертви." И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: „не сдравьлю". Володимеръ же цѣловавъ

брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по немъ, и Давыдъ Святославичь; и поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа въ протолчехъ [1]) въ Хортичемъ островѣ; и вседоша на конѣ, и пѣшци изъ лодей высѣдше идоша въ поле 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же слышавше, яко идеть Русь, собрашася безъ числа, и начаша думати. И рече Урусоба: „просимъ мира у Руси, яко крѣпко имуть битися съ нами, мы бо много зла створихомъ Русскѣй земли.“ И рѣша унѣйшии Урусобѣ: „аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ; сия бо избивше, поидемъ въ землю ихъ, и приимемъ грады ихъ, и кто избавить я́ отъ насъ.“ Русскиѣ же князи и вои вси моляхуть Бога, и обѣты вздаяху Богу и Матери Его. И сице молящимся, поидоша Половци и послаша предъ собою въ сторожѣ Алтунопу, иже словяше въ нихъ мужствомъ; тако же Русскиѣ князи послаша сторожѣ своѣ. И устерегоша Русскиѣ сторожеве Алтунопу, и объступивъше и́, и убиша Алтунопу и сущая съ нимъ, и не избысть ни единъ, но вся избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ; и Русь поидоша противу имъ. И Богъ великый вложи ужасть велику въ Половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Русскыхъ вой, и дрѣмаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же съ весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ. Половци же видѣвше устремленье Руское на ся, не доступивше побѣгоша предъ Русскими полки; наши же погнаша, сѣкуще я́. Дни 4-го априля мѣсяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику. И убиша ту въ полку князии 20; а Белдюзя яша. По семъ же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, и приведоша Белдюзя къ Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скотъ; Святополкъ же посла и́ къ Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: „то вѣдѣ яла вы рота; многажды бо ходивше ротѣ, воевасте Русскую землю; то чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливаше кровь хрестьянску? да се буди кровь твоя на главѣ твоей;“ и повелѣ убити и́, и тако разсѣкоша и́ на уды. И поидоша Русь съ полоном ъ великымъ, и съ побѣдою великою.

---

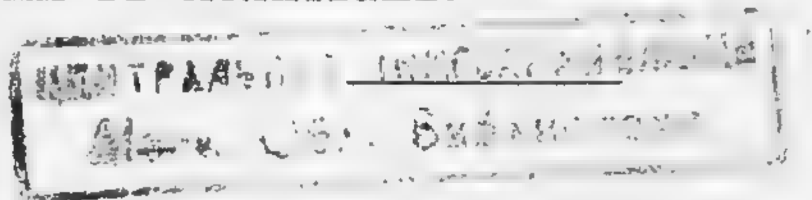
[1]) Протоки.

1106. Преставися Янъ, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первыхъ праведникъ, отъ негоже и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь.

1107. Воева Бонякъ, и зая конѣ у Переяславля. Томъ же лѣтѣ приде Бонякъ и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и сташа около Лубьна; Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на Половци къ Лубну, и въ 6-ый часъ дне бродишася чресъ Сулу, и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша; наши же почаша сѣчи, женущи я́, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече; отбѣгоша же товара своего, еже взяша Русскии вои, и възвратишася всвояси съ побѣдою великою.

1110. Идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ; и дошедше Воиня, и воротишася. Томже лѣтѣ бысть знаменье въ Печерьстѣмь монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1-й нощи; и весь миръ видѣ; сей же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ акы ко встоку лицемь, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ,— и се явленье нѣкоторое показываше, емуже бѣ быти, еже и бысть: на 2-е бо лѣто не сь ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, яко же рече: ангелъ предъ тобою предъидеть, и пакы: ангелъ твой буди съ тобою?

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си Лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у св. Михаила, въ 6624 (1116), индикта 9 лѣто; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ.



Владиміръ Святой † 1015.

Изяславъ Полоцкій. | Ярославъ Мудрый † 1054. | Мстиславъ † 1036

Изяславъ Полоцкій.
Брячиславъ † 1044.
Всеславъ † 1101.

Ярославъ Мудрый † 1504.

Владиміръ † 1052. | Изяславъ † 1078. | Святославъ † 1076. | Всеволодъ † 1093. | Игорь † 1060. | Вячеславъ † 1057.

Владиміръ † 1052.: Ростиславъ (†1066)

Ростиславъ: Рюрикъ. (†1092) Володарь. (†1124) Василько. (†1124)

Изяславъ † 1078.: Мстиславъ. (†1068) Святополкъ. (†1113) Ярополкъ. (†1086)

Святославъ † 1076.: Глѣбъ. (†1078) Романъ. (†1079) Давидъ. (†1123) Олегъ. (†1116)

Всеволодъ † 1093.: Владиміръ. (†1125) Ростиславъ. (†1093)

Игорь † 1060.: Давидъ. (†1113)

Вячеславъ † 1057.: Борисъ. (†1078)